

Константин Бояндин

Ступени аз перда

ШАПТЕРАН I

Шамтеран

Константин Бояндин

Ступени из пепла

«Издательские решения»

2004

Бояндин К.

Ступени из пепла / К. Бояндин — «Издательские решения»,
2004 — (Шамтеран)

ISBN 978-5-4483-7425-8

Мир древних верований и высоких технологий. Мир традиций, которые создают общество, и Игры, способной разрушить его или вывести на новый виток развития. Мир, где реальность кажется сном, а сны становятся реальностью. Мир науки и магии, неотличимых друг от друга. «Те, кто мысли Ведьмы вздумал подсмотреть, в зеркале увидят собственную смерть». Королева и Ведьма, Тень и Слуга, Воин и Лекарь — сколько их всего, участников давней оконченной игры, по законам которой живёт, сам того не зная, Шамтеран?

ISBN 978-5-4483-7425-8

© Бояндин К., 2004
© Издательские решения, 2004

Содержание

Часть 1. Плачущие небеса	6
1. Призрак	6
2. Забытый талисман	11
3. Песни моря	19
4. Диагностика	25
5. Тайник	29
6. Выступление	34
7. И очень опасна	40
8. Окончательная блокада	45
9. Очень скорая помощь	52
10. Белый невесомый порошок	64
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Ступени из пепла

Константин Бояндин

© Константин Бояндин, 2017

ISBN 978-5-4483-7425-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Книги цикла Шамтеран

Ступени из пепла

Пересечение обстоятельств

Книга Снов

Мозаика (трилогия)

Туманные тёмные тропы

Песни моря

Посвящается памяти бабушки Марии и дяди Владимира.

Часть 1. Плачущие небеса

1. Призрак

Дядю Хельта я встретила случайно. После того, как меня вынудили, «как олицетворяющую сплав традиций древности и веяний прогресса», выстоять перед всеми выпускниками, прочитать заранее подготовленную речь и совершить прочие положенные формальности, я была готова взорваться.

Ушла с возвышения, не особенно заботясь о приличиях. Тётушка говорит, что меня любит весь город, и на этот раз она права. В том не только моя заслуга: мой прапрадед немало сделал для того, чтобы Университет возвышался «в величии своём» над остальными зданиями города. Сколько бы ни было Реформ, Парламентов, потрясений – Университет Тегарона, столицы графства Тегарон, останется лучшим на всём континенте. Так-то.

Выглядела я, вероятно, странно для Утренней Звезды: мантия выпускника, вышитая золотом шапочка и перчатки – как-никак, я отличница. Под мантией – белое платье. Сапожки из змеиной кожи – тётушка настояла. Никто, кроме неё, не помнит все, до единой, традиции, а куда без них?

А на улице – жара. Хотя за многие столетия «уличная» одежда, та, что под мантией, стала удобна и в жару, и в стужу; в ней всегда прохладно и удобно. Но у простолюдинов моё облачение всегда вызывает сочувствие – так закутана!

Спокойно, Майтенаринн. Полминуты блаженной прохлады – в подземном переходе, ведущем из Университета в парк. С этим переходом всё время что-то случается – то канализацию прорывает, то крысы обнаруживаются. Большие, много и голодные. В иной день я ни за что бы не осмелилась пройти здесь одна. А перед Выпуском, понятно, всё вычистили, починили, привели в порядок.

Офицер охраны (ещё одна из множества традиций) отсалютовал, улыбаясь. Только мне. У выхода – входа? – два старых металлических зеркала – створки ворот, гладкие латунные листы. Надо же, как отполировали! Глянула в них – сама себе понравилась. Действительно, дочь древнего рода – волосы прямые, русые, глаза большие, зелёные, лоб высокий, кожа благородного бронзового цвета. Лицо только чуть-чуть длинновато. Меч мне, кольчугу и коня! Впрочем, зачем? Со мной и так все считаются, я – Светлая.

Раз отражаюсь в зеркале, значит – человек, не призрак, не нечисть. Я едва не рассмеялась в голос, еле сдержалась.

Впрочем, я уеду отсюда в любом случае. Прочь, за океан. Буду копать в песке, изучать руины, кости, черепки. Я устала от этого крохотного городка, который старается казаться центром мироздания. Пусть мои предки жили и правили здесь долгие века – я так не хочу.

Сбегу. Никто мне не поможет – ну и пусть.

* * *

Майтенаринн Левватен эс Тонгвер эс ан Тегарон стояла на тропинке в парке и кормила с руки синицу-синехвостку. Самую мелкую из собравшихся на угощение. Прочие суетливой шумной компанией носились поблизости, предвкушая угощение, но девушка велела им держаться в стороне. Птичка клевала торопливо, оглядываясь на нетерпеливых сородичей. Потом, конечно, они зададут ей трёпку, но будет поздно: семечки недосыгаемы.

Майтенаринн улыбалась. Она знала, что позади, на почтительном расстоянии – как всегда – собрались жители городка, участвующие в ритуале. Только отпрыскам правящих фамилий графства дано повелевать всеми живыми существами, не одними лишь людьми. Знали бы зрители, как это просто. Ну, не совсем просто... её, Майтенаринн, обучали этому довольно долго, но ведь обучили! И строго-настрого велели никогда, никогда не открывать тайны. Старые, странные, неведомо кем выдуманные традиции навязали ей с момента рождения диадему Утренней Звезды – талисмана и символа процветания города и графства...

Сколько синиц собиралось разом – столько новых лет спокойствия и процветания добавляли Владыки Мира графству. Раз в лунный месяц положено приходить сюда, в сердце города, испрашивать для государства благоденствия. Всякий раз слеталось всё больше синиц.

Первый раз, много-много лет назад – только пять, самых смелых. Сегодня, сейчас, Майтенаринн окружало больше сотни. Отвлекаться и считать их нельзя – хрупкая ниточка, заставляющая священных птиц подчиняться, может оборваться от неосторожного жеста.

Майтенаринн улыбалась, но ей было невесело.

Пока училась в Университете, пользовалась ограниченной, но свободой. Теперь что? Тётушка неоднократно повторяла, что семья Тонгвер не может позволить ей, надежде всего графства на возвращение аристократии к власти, жить в своё удовольствие. Пора платить по счетам... По счетам за будущее, надо полагать – в Университете не было поблажек. Наоборот, спрашивали строже остальных.

И всё равно она – первая...

Заморыш, наконец, наелся и упорхнул, то и дело проваливаясь в воздухе почти до самой земли. Всё, остальным тоже можно... Утошайтесь, ненасытные... Последнюю горсть семечек Майтенаринн, как положено, подбросила над головой. Она знала, зрители сейчас затаили дыхание...

Синий вихрь окружил её, тёплый воздух, треск крыльев.

На траву, на мантию, на голову не упало ни одного семечка. Одна из синиц уселась ей на плечо и спела восхитительную весеннюю песенку прежде, чем улететь.

Майтенаринн, продолжая улыбаться, соединила ладони над головой, и исполнила знак Всевидящего Ока. Сегодня участники ритуала будут шёпотом рассказывать, как их Утреннюю Звезду – обращаться к ней полагается «Светлая» – окружил сияющий ореол. Красноватый ореол.

Теперь – домой. Никто из зрителей не станет искушать судьбу, провожать Светлую. Если она оглянется, любопытным несдобровать. Я одна, думала Светлая, изо всех сил стараясь улыбаться. Несомненно, журналисты, которых не удержат никакие суеверия и традиции, сейчас тщательно ловят её лицо в прицел видеоискателя. Они не знают, что ещё немного – и ей захочется расплакаться.

Тропинка вела вглубь, в заросли шиповника. Всевидящее Око заметит её и там, но хозяйка Ока всё поймёт, не станет хмуриться.

Пока она кормила синиц, трава у самых её ног успела подрасти – на добрых полметра.

* * *

Можно выйти из парка через Приветственные, северные ворота. Но там отбою не будет от горожан. Они не станут подходить близко, и уж тем более заговаривать – если Утренняя Звезда нахмурится, глядя тебе в глаза, до рассвета можешь и не дожить.

Такое, говорят, уже было. Не с ней, не с Майтенаринн.

Нет, не хочу. Могу пойти на восток – вызвать машину и добродушный седой Ройен, по совместительству дворецкий Северного дома, её жилища, отвезёт домой. По пути остано-

вит, где его попросят – у озера, например, или у обрыва, за которым заканчивается город, а лес колючими волнами убегает до самого горизонта.

Нет, не хочу. Ройен – один из немногих, с кем интересно быть поблизости (на расстоянии, определённых традициями), но он непременно спросит, что стряслось. А я отвечу. А по возвращении домой дворецкому устроят допрос с пристрастием.

Майтенаринн постояла, глядя, как внизу, на лужайке, играют дети, улыбнулась, уже вполне искренне, помахала им рукой. Один из мальчиков помахал ей в ответ.

Краткий гул донёсся из-за стены деревьев и угас. И вновь дневной шум леса заполнил окружающее пространство. Точно. Девушка поправила безукоризненно сидевшие перчатки и двинулась на запад, к дороге. Вовремя прошёл этот поезд. Там, у Линии Семнадцать (прежде – Глухой Тракт), есть автобусная остановка. Вот так я домой и попаду. Пусть тётушка ворчит, что не пристало девице благородного происхождения ездить общественным транспортом – а я хочу!

Автобус возник бесшумно, притормозив шагах в пяти. Майтенаринн знала – водитель ждёт знака. Либо она отпустит машину (захотелось ей, в мантии и нарядных сапожках, прогуляться по чаще на той стороне дороги), либо пассажирам выпало везение – пока кто-нибудь из семьи Тонгвер едет вместе с ними, платить никому не придётся. В качестве некоторого неудобства, правда, придётся стерпеть, что автобус вначале отвезёт Майтенаринн, куда ей нужно.

Лет пятнадцать назад маленькая ещё Светлая забавлялась, заставляя водителя ездить кругами – так много интересного вокруг! Подолгу стояла у окна, глядя на радугу, на зыбкие стелющиеся тучи, на низкие горные цепи на дальнем западе... Пока однажды тётушка не сделала ей очень серьёзного внушения. Очень, очень серьёзного.

Майтенаринн вошла и сразу же свернула к лестнице на верхнюю площадку – чтобы ненароком не встретиться ни с кем взглядом.

Поднялась, бесшумно ступая змеиными подошвами.

Она знала, что, как только сядет, автобус тронется.

Водитель ждал.

Майтенаринн закусила губу, всё ещё удерживая на лице улыбку. Ей было больно, как никогда. Но тёмная волна схлынула.

Водитель ждал.

Опомнившись, Майтенаринн села, выбрав одно из мест позади. Никто из пассажиров не станет оглядываться, никто не обратит внимания, словно она невидима.

Водитель всё ещё ждал. Майтенаринн хотела было привстать и дать знак – поехали – как двери тихонько скрипнули, закрываясь. Тихонько заурчал двигатель, и автобус двинулся. И тут она заметила дядю.

* * *

Я едва не закричала «Дядя! Дядя Хельт!» Разумеется, я этого делать не стала. Земля не разверзнется, и люди не попадают замертво – что бы ни говорилось в легендах. Но дядя... он и раньше, когда я была совсем маленькой, не отличался здоровым сердцем. Нет уж. Раз он отважился приехать, не стану его пугать. На него вся надежда. Всем прочим я не нужна.

Он мало изменился – мятый-перемятый мундир смотрителя маяка, едва ощутимый запах дешёвого вина на травах, которым он «лечит сердце». Самый неудачливый представитель Тонгвер, к тому же живущий в другой стране.

Самый лучший человек – выросший, воспитывавший меня до «первой луны» – восьми лет, необычайно ранней была та «луна». Мне не позволят долго говорить с ним дома –

ну ещё бы, как можно! Но я остановлю автобус за следующим поворотом. Дядя выйдет купить себе «лекарства» – и мы с ним славно прогуляемся.

Должно быть, я замечталась. Мечтала, как дядя подхватит меня (плевать на приличия), прижмёт к себе, царапая невероятно жёсткими кончиками усов. И мы будем говорить, говорить... Фуражку он снял, и было видно, как скверно время обошлось с его волосами – почти все снежно-белые.

Я заметила, что автобус ползёт еле-еле. Что такое? Олени вышли на дорогу? Двигатель неисправен? В ушах звенело, словно давление резко изменилось. Я даже сглотнула, но не помогло.

И увидела это. Призрака. Он втекал на вторую площадку медленно, сквозь металл и окна, но огибая людей.

Всё замерло. Автобус движется с проворностью улитки. Люди застыли, стали пугающе неподвижны. Я – могу шевелиться, но словно во сне.

Призрак миновал первого человека в правом ряду. Показалось, что он – она, оно? – взмахнул руками. Переместился, едва удостоив вниманием следующего.

Увидел меня. Почувствовал, почуял... не знаю. Мне стало дурно. Внутри всё похолодело, густой низкий звон заполнил уши, слабость смяла и высушила мышцы. Помогите, попыталась я позвать на помощь – ни звука не слетело с губ.

Страшно. Очень страшно. Дядя, позвала я...

Призрак сдвинулся, будто услышал мой призыв. Обернулся – я ощущала, как перемещается его внимание. Направился к дяде. Поднял над прозрачной головой своей прозрачные же руки. Я осознала, что призрак сейчас ударит...

И меня сорвало с места. Слабость и дурнота прошли. Я ринулась на призрака, готового сделать что-то... не знаю, что.

Я словно впрыгнула в чан с клеем. Стало тяжело двигаться. Туманные волны шли вокруг меня, а я ожесточённо продиралась сквозь них, рвала движениями рук, старалась не позволить скрюченным бесплотным когтям опуститься...

– Убирайся! – попыталась крикнуть я. Вместо крика – слабый шёпот.

Призрак отпрянул. Я чувствовала, как дрогнула его решимость, как он отступает – не знаю уж, отчего.

Я торжествующе посмотрела в клубящийся овал, заменяющий призраку лицо. Не помню, что было в следующие несколько секунд. Когда пришла в себя, обнаружила, что стою у лестницы; что-то тёплое стекает за шиворот. А впереди ветер раскачивал ветви деревьев... те махали... махали дружелюбно могучими зелёными руками... Махали всё сильнее.

– Стойте! – крикнула я, и на этот раз получился крик. Все вокруг вздрогнули, приходя в себя. – Стойте! Остановите машину!

Потом уходящая вперёд и вверх дорога встала на дыбы, и меня больно стукнуло поручнем в лицо.

* * *

– Жива?

Дядя Хельт? Где это я? Запахи чужие – не дома. В смеси запахов читались испуг, изумление, восхищение. Голоса, лязг, писк переговорных устройств.

– Да, – удалось произнести мне. Глаза видели плохо, но зрение постепенно возвращалось. Когда оно вернулось полностью, я увидела, что сижу в кресле, сжимая в руках свою окровавленную шапочку, а передо мной – шестеро людей. Пятеро мужчин и одна женщина. Все стоят, прикрыв глаза «крышечкой» из сомкнутых ладоней.

– Что... – и тут до меня дошло. Никто не смеет видеть, как Светлая снимает что-нибудь из личных предметов одежды. Владычица Света, как я устала от всего этого.

Я стянула, помогая себе зубами, перчатки и бросила их на пол, вместе с шапочкой. Тряхнула головой (огнём ожгло затылок). Хлопнула в ладоши и закрыла лицо ладонями.

– Жива, девочка? – голос дяди. Нисколько не изменился – спокойный, уверенный. Вокруг меня поднялась небольшая суматоха; интересно, если бы я не смогла подать знак, что разрешаю к себе прикасаться, что – дали бы истечь кровью?

– Жива, дядя, – отозвалась я. Остальные – судя по репликам, врачи – делали своё дело. Ну хоть им не нужно разрешения на каждое прикосновение ко мне – врачам позволено всё. А дядя, похоже, так и сидит, закрыв лицо ладонями. – Что случилось?

– Деревья рухнули, – последовал ответ. – Десяток деревьев, прямо на дорогу. Говорят, порывом ветра повалило. Если бы ты не приказала водителю остановиться, мы бы с тобой уже в другом месте разговоры вели.

Я едва не подскочила, но мне не позволили, – без слов, просто дали понять, что двигаться не стоит. Голову пекло немилосердно, а также – правый бок и левое бедро.

– И всё?!

– И всё. А что, мало? – дядя, похоже, в маске, судя по звуку усмешки. – Видела бы ты эти деревья. Мне показалась, что... – дядя замолчал. – Ладно, дома поговорим.

Как же, поговорим мы дома...

– На меня, наверное, смотреть страшно, – предположила я вслух. Завтра выпускные торжества, а три дня спустя – Праздник Возрождения. В обоих случаях мне предстоит появиться перед большим скоплением народа. Причём перед телекамерами. Хороша я буду!

– Не беспокойтесь, Светлая, – кто-то из врачей. – Завтра к обеду будете в полном порядке.

– Хорошо бы, – я опустила голову. Вот как. Что, призрака видела одна лишь я?

– Лучше о другом думай. За нами ещё два автобуса шло, ты много жизней спасла. Отдыхай. Помолчи немного. Я никуда не уйду.

– Никаких успокоительных, – буркнула я.

– Слушаюсь, Светлая, – отозвался женский голос почтительно.

2. Забытый талисман

Разумеется, разговора с дядей не вышло. Дома у меня другие порядки, ритуалы и церемонии. Теперь мне придётся бывать здесь чаще раза в две недели. Уж не знаю, что меня ждёт в ближайшем будущем, но...

Бежать, повторила я как заклинание. Не забудь. Не подавай виду, Светлая, тебе надо продержаться до Праздника Возрождения. Потом – никаких обязательств. Ни перед кем. Хватит с меня указаний.

Мой выпуск отметили, признаться, очень скромно. С одной стороны, завтра я смогу повеселиться на славу – выпускной вечер! С другой – наглядно показано, что никакого, ну совсем никакого значения мой выпуск для семьи не имеет. Так, дитя потешилось свободой. Теперь пора разом повзрослеть и привыкнуть к тому, что свобода окончилась. Я привычно «отчиталась» (действительно привычно; за шестнадцать лет ко всему привыкаешь) во всём, что произошло, не стараясь ничего утаивать. Хоть мысли тётушка читать и не умеет, а мелочи, о которых она спрашивает, легко перепроверить.

Печально это... обоняние говорило мне о раздражении, равнодушии и утомлении собравшихся. Как же так?

На дядю Хельта за столом никто не обращал внимания. Тётушка не раз говорила, что для пьяницы и неудачника этот наш родственник слишком хорошо сохранился. Вот и сейчас – формально его приняли, препроводили к нужной части стола. Ну, хоть не отправили ужинать с прислугой. Вот и весь разговор, дядя, подумала я. Теперь, когда она знает, что ты здесь, выставит охрану – чтобы близко не подпускать. Правда, последние три года моя охрана практически не сопровождает меня. Ну, или они научились становиться невидимками.

Тут я вспомнила о призраке и вздрогнула. Тётушка, естественно, вопросительно подняла брови, и я нехотя сообщила, что голова ещё немного ноет.

– И зачем тебя только понесло в этот автобус!

– Добрый знак, сестра, – неожиданно отозвался дядя с другого конца стола. Вот слух! И голос! Хоть и ощущается, что навеселе, а ровный и сильный. – Знаешь, как довольны сограждане! Теперь никто не посмеет сказать, что мы – горстка суеверных стариков.

– Попробовали бы сказать, – усмехнулась тётушка. А я едва не разинула рот. Она ему ответила! И стерпела обращение «мы»!

В конце концов, я поднялась – пусть дома передо мной никто не склоняется, но традиции, чтоб им провалиться, соблюдаются. Тут же поднялись все. Я успела заметить, что дядя посмотрел в мою сторону, но не подал виду. Даже не подмигнул. Я отвернулась, кусая губы. Как тогда, в автобусе, я чуть не расплакалась.

Время изменяет человека. «Дядя, я хочу странствовать! – Да, малышка, ты сможешь уплыть, куда захочешь. – Но тётя меня не отпустит! – Я помогу тебе, Светлая...»

Равнодушно сорвала шапочку и перчатки, что полагалось надевать перед ужином, бросила на поднос склонившей голову служанки. Всё это театр, обман, вся эта «любовь города». Что я, не смотрю телевизор? Прекрасно знаю, как всё это достигается. В Университете некоторые почти открыто называли меня марионеткой. Иногда не особо заботясь, чтобы я не слышала.

Наверное, они правы. Дядя мне уже не помощник. Всё равно сбегу.

Иначе...

Что будет дальше – я догадываюсь. Улыбнуться одному, поговорить «медовым» голосом с другим, «подставить ушки» третьему, родить ребёнка от четвёртого. И так далее. Хорошая вещь – традиции. По которым до совершеннолетия (через пять лет) я могу потерять всё, вклю-

чая титулы, деньги, репутацию просто по воле тётушки или её старцев-аристократов. Достаточно несколько раз проявить неповиновение.

Буду кормить синиц, излечивать лжебольных от болезней прикосновениями, говорить вдохновенные речи перед согражданами. Подвиг однообразия, вспомнились слова. Сагари, философ прошлого века. Или поэт?

С каменной улыбкой на лице я отворила дверь в свои комнаты и отпустила Миан, служанку. Прикоснулась ладонью к её щеке – благословение – и заметила робкую улыбку в ответ. И она верит! Неудивительно, иначе бы ей здесь не служить.

Ещё есть теплица и цветы в ней, но туда не пробраться незаметно.

Сняла, наконец, сапожки. И, закрыв лицо руками, заплакала. Беззвучно, без слёз. Пришлось научиться. И часто, ох, очень часто тренироваться.

В среднем – раз в две недели.

* * *

Никак не могла заснуть.

Телевизора в моих комнатах нет – не пристало девице благородного происхождения тарачиться на картинки, повествующие о всеобщем упадке, разврате и насилии. О видео я даже не упоминаю. Музыка слушать можно – но не здесь, а в музыкальной комнате. Нет, спасибо.

Как мне всего этого не хватает. Особенно международных новостей. Всё, Майтенаринн, кончились новости. Нет, и не было никогда других стран. Твоя новая и единственная страна называется семья Тонгвер.

Книги тоже можно читать не всякие. Правда, с первого курса меня перестали тщательно обыскивать, чтобы узнать, не протасила ли под одеждой недостойную книгу. Думаю, что прислуга – никто кроме неё в мою комнату входить не должен – всё равно сообщает, что у меня там, на полках.

В сущности, не очень много. В основном, записки натуралистов, всякие поучающие романы, самым новым из которых лет триста. Несколько томиков стихов. Дневников я не веду – то есть, здесь не веду. В жилом корпусе Университета, в моих апартаментах, за сигнализацией и толстыми стенами я ещё могу рискнуть вести дневники. И даже вела, наивная, некоторое время.

«Я помогу тебе, Светлая...»

Поможешь?

Почитала про подводный мир – любимый том из всего собрания сочинений Канри-Та, неутомимого, всё ещё живого и бодрого в свои девяносто лет путешественника. Мечтала уговорить его брать меня с собой в плавания. Сколько мне тогда было? Семь лет.

Но изящный слог Канри не достигал сознания. Запоздало пришла усталость. Кончилось нервное напряжение, схлынуло с не появившимися слезами. А призрак – он тоже померещился? Обожжённые холодом ладони – тоже? Я посмотрела на ладони. Через день-два частично сойдёт кожа, как меня предупредили. Впрочем, руки-то всё равно в перчатках.

Легла поверх покрывала, не раздеваясь. Выключила свет, повернулась на правый бок, закрыла глаза.

Оглушительно стучало моё собственное сердце.

Слабый, слабый скрип. Да нет, не может быть – ничто здесь не скрипит. В комнатах можно передвигаться бесшумно. Вот в коридорах – там да, есть там чему скрипеть и потрескивать под ногами. Всё те же традиции строить дома так, чтобы ко входу в комнату нельзя было подобраться незаметно.

Я поняла, что рядом кто-то есть. Здесь, в спальне... или в библиотеке? Совсем близко. Двигается, невидимый для глаза, оставляя в пространстве слабую рябь. Подойдёт, чтобы наклониться надо мной и...

Я рывком села, ощущая озноб. Протянула руку, велела свету включиться.

Ничего не произошло. Что случилось?! Выключатель никогда не ломался!

Со страху я едва не закричала. Бросилась в сторону стены, к механическому выключателю. Стукнулась обо что-то лбом – искры из глаз. Всё, дотянулась.

Свет зажёгся не сразу. Сплю, подумала я, глядя, как переливается внутри плафонов разреженное жёлтое пламя.

И нечем обороняться. Как говорил наставник по военному делу, единственное оружие – писк. Ну, тут он меня недооценивает.

Свет зажёгся в полную силу.

Я обошла все свои комнаты. Не поленилась заглянуть в ванную, в каждый из шкафов. Да, жаль, что нет настоящего оружия. Правда, вот этот канделябр вполне подойдёт...

Минут через пять я перестала приседать от каждого шороха и звука из-за стен и вернулась к кровати. Поглядела на книгу и вздохнула. Не сегодня.

В конце концов, переоделась ко сну – спать, так хоть с удобствами. Включила ночник и долго листала взятую наугад книгу, лёжа на боку. Верное средство, меня усыпляет безотказно.

* * *

Тени возникли за окном. Рослые, на две головы выше Майтенаринн. Покачали безликими головами и прошли прямо сквозь окно. Не тревожа сигнализацию, не издавая ни звука. Принося с собой холод и ужас неизвестного.

Майтенаринн вскочила, едва не запутавшись в роскошном ночном одеянии, кинулась к двери. Заперто. Попыталась крикнуть – звук не слетал с замёрзших губ. Пробовала колотить кулаками в дверь, в стены – руки бессильно опускались. Не было сил повернуться. Только ждать. Время растягивалось в ожидании того, как ледяная рука опустится на голову...

...Майтенаринн уселась в постели. Ночник усердно поддерживал крохотное озерцо света прямо перед ней. Книга каким-то чудом переползла к противоположному концу кровати.

Девушка оглянулась. Никого. Точно, ей не по себе – озноб и, скорее всего, температура. Нервы. Да, ещё бы.

Лекарств у неё здесь нет. Как и спиртного. Придётся вызвать Миан (и отчитываться утром перед тётушкой, конечно), потому что само по себе всё это может не пройти. Едва передвигая ноги, Майтенаринн дошла до двери и, помедлив, прикоснулась ладонью к сенсору.

– Да, Светлая? – тут же отозвалась служанка. Она когда-нибудь спит?

– Меня... знобит, – с трудом выговорила девушка. – Тётушку можно не будить, мне нужно... успокоиться.

– Сию минуту, – отозвался голос.

Возвращаться в постель не хотелось. Майтенаринн прислонилась лбом к стене, глядя на равнодушно мерцающий сенсор. Менее чем через минуту с той стороны поскреблись.

Девушка погладила замок ладонью и, не глядя, сделала шаг в сторону кровати. Дверь отворилась и закрылась. А... ну конечно. Майтенаринн сделала жест, означающий, что можно идти и дверь вновь открылась и закрылась. На полочке у двери появился высокий бокал и две тёмных таблетки. Новые, что ли? Никогда таких не видела.

Таблетки оказались неожиданно приятными на вкус. Почти сразу же в голове стало проясняться, а отвратительное ватное состояние мало-помалу заместилось обычной дневной усталостью. Девушка вернула бокал с водой на полку, присела на уголок кровати.

Закрыла глаза. Поразительно, но сонливость тоже проходила. Досчитаю до ста... может быть, снова захочется спать. Досчитала и поняла, что спать не хочется вовсе.

Слабый шорох слева. У самого окна. Майтенаринн вскочила на ноги. Канделябр поблизости, одно мгновение – и он в руке. Вот и дождались. Грабитель. Или кто? Как сумел пробраться?

Не сводя глаз с сутулящейся фигуры, девушка отступила к двери. Прикосновение к сенсору – и через десять секунд здесь будет охрана. Если бы вторгнувшийся захотел напасть, давно бы уже напал. Человек бесшумно, словно переломившись, упал на колени. Коснулся пола поочерёдно каждой щекой и замер, простирая руки перед собой, ладонями вверх. Майтенаринн замерла. Жест означал, что человек просит о последнем слове. О таком, после которого всё равно, что с ним сделают. Последняя милость. Девушка не сразу осознала, что делает. Отставила канделябр и, сделав шаг вперёд, велела сухим голосом:

– Поднимайся и говори.

– Слушаюсь, – отозвался неожиданный гость. Медленно поднялся с колен и замер, прикрывая лицо ладонями, сложенными лодочкой.

Майтенаринн побледнела.

Дядя Хельт.

* * *

Следующие несколько реплик были столь же ритуальны.

– Прошу соизволения взглянуть на край одеяния вашего, Светлая.

– Встань и говори со мной, как равный.

– Не смею подняться с колен, повелительница.

– Встань и говори, и ничто не повредит тебе.

Он отнял ладони от лица, всё ещё склоняясь. А я была настолько потрясена происходящим, что никак не могла поверить в то, что вижу, слышу и говорю.

– Дядя Хельт?

– Да, Светлая, – он наконец-то взглянул мне в глаза. Только глаза оставались теми же. Прочее... одежда под стать ночному вору – такую в магазине не купишь, у портного не закажешь: сливается с окружением, маскирует владельца. Не стало запаха дешёвого вина, речь стала ровной, выговор – правильным.

– Я пришёл попрощаться, – он вновь опустил взгляд. – И вернуть то, что должен.

Я уселась на край постели; дядя немедленно опустился на колено. Да что же это!

– Прошу сесть в кресло, – проговорила я настолько ровно, насколько можно.

Он повиновался. Неудобно разговаривать с человеком, от которого тебя отделяет не менее десяти шагов, но я, признаться, стала побаиваться.

Я молчала, глядя в его сторону. И терпение моё было вознаграждено.

* * *

– Ты сможешь уплыть, куда захочешь, – произнёс он, не поднимая головы.

– Я помогу тебе, Светлая, – выговорила Майтенаринн одними губами. Дядя кивнул.

– Помнишь шторм пятого Вассео? – голос его оставался бесстрастным.

Майтенаринн встала. О чём он? О каком... И память словно взорвалась – рухнула, как перегруженная плотина. Образы, яркие и живые. Много образов. Девушка сглотнула, стараясь держаться на ногах.

– Я так тогда испугалась, – голос стал не её, звучал теперь, словно бы с той стороны планеты.

– Ты сделала мне подарок, – подтвердил дядя.

– Да, – новый шквал воспоминаний. В голове звенело, но ясность и острота чувств, следовавшие после приёма таблеток, сохранялись.

– Прощу, Светлая, – дядя протянул ладони вперёд, – забери его.

Майтенаринн медленно подняла голову. На ладонях его лежали три камушка. Те, которые можно подобрать на морском берегу. Камушки, которыми забавляется Владычица Морей, придаёт им формы, позволяющие избранным судить о прошлом и будущем.

Медленно подошла на расстояние вытянутой руки. Подняла в замешательстве взгляд. «Забери его». Их же три! Который? Замерла, вглядываясь...

Три почти неотличимых камушка, каждый походил на морского конька. Крайний слева был с отломанным кончиком хвостика. Девушка моргнула несколько раз. Морской конёк... оберег от смерча, шторма, обитателей пучины. Она протянула ставшую ужасно тяжёлой руку и подняла крайний слева камушек.

* * *

– Пароль, – глухо произнёс дядя, не поднимая головы.

– Ч-что? – я взглянула ему в глаза. В правой руке его появился... пистолет. Зрачок ствола смотрел мне в лицо.

Мне стало страшно.

– Пароль, – повторил он. Взгляд его оказался ледяным. Что-то звонко щёлкнуло. Дядя Хельт всего лишь развёл локти в стороны и... Что там у него, под курткой?

Я ощутила, что призрак, тот самый, стоит сейчас за спиной. Из круговерти памяти постепенно проступили горящие кровью буквы.

– *Ma es matafann ka*, – проговорила я бессмысленно звучащие слова. Нараспев, со странными интонациями. Что это за язык?

– *Es foar tan es mare*, – отозвался дядя и улыбнулся. Лоб его мгновенно покрылся каплями пота. – Пожалуйста, Май, с этого момента делай только то, что я скажу. Ради жизни нас обоих.

Он разжал пальцы, и пистолет упал на ковёр.

* * *

«Май!»

Я готова была броситься ему на шею, как тогда, в автобусе. Зачем он играл этот дикий спектакль?

Но только кивнула. Дядя был испуган. Но боялся не за себя, я читала это в глазах. И... в запахе. О, как меня выучили разбираться в запахах...

– Оставайся на месте, – продолжал он. – У нас мало времени. Что бы ты ни делала, не пытайся отойти от меня. Выполняй всё в точности так, как я говорю.

Я вновь кивнула.

– Спрячь талисман.

Я медленно опустила конька в кармашек ночного платья.

– Сними перчатки. Брось их на кровать.

Вот так дела! Когда я успела надеть их?

Сделала.

– Подойди ко мне на шаг. Мне нельзя шевелиться. Старайся не толкнуть меня, девочка.

Сделала.

– Расстегни куртку. Снизу вверх.

Если бы мне сказали утром, что будет происходить у меня в спальне ночью...

Под курткой обнаружился толстый чёрный пояс. Что-то странное... запах пластика, кожезаменителя. Что-то попискивает, словно полицейская рация.

– Справа на поясе висит телефон. Осторожно сними. Мне нельзя шевелиться.

Я потянулась к поясу.

– Справа, Май, не слева.

Я поджала губы. Вот так всегда, стоит разволноваться...

– Не торопись, прошу тебя. Аккуратно.

Вот это да! Такие телефоны я только в выпусках рекламы видела. Видеосвязь, полная объёмная развёртка, управление голосом и М-датчиками... Мне не дали вспомнить все перечисленные в проспекте возможности.

Как он открывается? А, вот так.

– Набери: Ятган сто пять. Последнее цифрами.

«Абонент ожидает», сообщил телефон повисшими в воздухе перед ним зелёными светящимися буквами.

– Абонент ожидает, – повторила я.

– Не нажимай кнопку вызова. Загляни мне за спину. Не толкни. На поясе должны мигать огоньки.

Да, действительно. Красный, два раза синий, красный и зелёный. Пауза. Всё то же. Пауза. Те же огоньки.

– Запомнила?

– Да.

– Нажми кнопку вызова. Если отзовутся, назови наш с тобой пароль и то, какие огоньки видишь.

Сигнал. Ещё один. Дядя закрыл глаза. Третий сигнал.

На восьмом с той стороны взяли трубку. Ни «слушаю вас», ничего. Просто тишина.

Май, ты сошла с ума!

– *Ma es matafann ka*, – сообщила я тишине. – Красный, синий, синий, красный, зелёный. Молчание. Затем, чётко и спокойно.

– Два один восемь два три пять шесть. Повторите.

– Два один восемь два три пять шесть, – отозвалась я глухо.

Связь оборвалась.

– Два один...

– Я слышал, девочка. Набери этот номер дважды, подряд. Цифрами.

Я повиновалась.

– Нажми вызов.

Телефон пискнул. «Абонент недоступен».

– Абонент недоступен, – повторила я, ощущая себя ужасно глупо.

– Спина устала, сил нет, – сообщил дядя шёпотом и... медленно поднялся. Медленно, сжав зубы, откинулся назад. Запустил руки за спину и чем-то щёлкнул. – Ну, всё. У нас есть ещё немного времени, Май. Ты хотела поговорить? Я тоже. Правда, обо всём мы поговорить не успеем.

Руки у меня дрожали. Страшно. И были, обе, холодными и мокрыми от пота.

– Надень перчатки, – попросил дядя тихо.

– Зачем? – поразилась я, протягивая ему телефон. Но дядя Хельт отказался его забирать и движением головы велел бросить аппарат туда же, на кровать.

– Мне нужна ясная голова, девочка. А мы с тобой, как ты могла заметить, разного пола.

Я не выдержала и рассмеялась. Тихо. Дядя прижал палец к губам и медленно опустился прямо на пол.

* * *

– Через двадцать три минуты Миан придёт за бокалом, – дядя говорил, как ни в чём не бывало. – К этому моменту я должен исчезнуть. Как только я уйду,ними перчатки и выключи кондиционер. Я включил его, пока ты просыпалась.

– Зачем?!

– Обоняние у неё такое же острое, как у тебя, Май.

Это верно. Будет оно острым, когда осталось пять дней до...

– Два дня, – сообщил дядя. – Не пять, Май. Два.

Я непроизвольно встала на ноги. Откуда... как он... рука потянулась к шее.

– Два дня, – повторил он. – И перестань пить таблетки, которые тебе даёт Миан. Возьми вот эти, – он протянул флакон. Судя по надписи, там – обычный дезодорант. Точнее, препарат для подавления чувствительности к запахам. Но таблетки на вид немного другие.

– Откуда вы... ты...

– Двадцать минут, Май. Только двадцать минут.

Я кивнула. Хотя трудно было поверить в то, что слышу. Осталось ли хоть что-нибудь, чего он обо мне не знает?

– Не спрашивай меня, почему я это делаю, – начал он. – Я не знаю сам. Я не уверен, что успел вовремя.

Странно, но спокойствие вопреки всему вернулось ко мне. Всё было таким нереальным, что перестало казаться нереальным.

– Самое главное – завтра во всём слушайся тётушку Ройсан, если она рядом. Это не шутка. Слушай каждое слово, чуть кивай головой, говори только правду. Чтобы было легче, повторяй про себя «я подчиняюсь». Поняла?

Я кивнула.

– Это самое важное. Не вздумай не соглашаться с ней, не пререкайся, если она не потребует. Это верная смерть. Поняла?

Я кивнула. А сейчас что – сон или действительность?

– Замени свои... те, что... словом, те, что носишь в медальоне. Выбрось их, положи те, что я дал. Принимай их так же.

Губы мои пересохли. Опять!

– Если сможешь, не пей ничего, что даёт тебе Миан или сама тётушка. Если не сможешь, найди время и выпей в течение пяти минут две «мои» таблетки. Поняла?

Да. Поняла.

– Если не сможешь отказаться от принятия пищи дома, выпей одну таблетку в течение получаса. Это большая нагрузка на организм, Май, но ты не должна уснуть. Ты поймёшь, что я имею в виду.

Вопрос в моих глазах был красноречивым.

– Ты спала в течение последних пяти лет, девочка. Обрати внимание на то, что тебе будут говорить. Прислушивайся к тому, как тебе приказывают.

Он медленно поднялся на ноги. Вернул пистолет в кобуру под мышкой.

– Телефон и флакон с таблетками держи при себе. Номер телефона знаю только я. Если позвонит кто-то ещё – значит, я мёртв.

Он застегнул куртку.

– Всё, Май. Прости меня... за всё. Поверь, я спешил, как мог.

Он осторожно обнял меня, стараясь не прикасаться к голове. Ну конечно... шапочки на мне нет.

– Ты действительно моя племянница, Май, – он отпустил меня. – Всё остальное неважно.

Я скосила глаза на часы. Двенадцать минут.

– Я помню. Ты хотела спросить меня. Оставь мне хотя бы пять минут.

Я думала. Ну, о чём можно расспросить за семь неполных минут?

– Кто вы на самом деле, дядя? – неожиданно выпалила я.

– Разве я не говорил? Смотритель маяка.

– Я серьёзно.

– Я тоже. Я сообщу тебе, где маяк. Я оставил там важные бумаги. Прочти их, обязательно.

А время идёт, Май. А в голове пусто-пусто.

– Что в поясе?

– МТ-12, полтора килограмма.

Я чуть не села на пол. К моменту приезда полиции на месте дома был бы кратер. Метров тридцать глубиной. Может, глубже.

– З-зачем?

– Если бы я не смог тебя разбудить... если бы твою память стёрли до конца... лучше смерть, Май. Ты действительно делаешь то, что... ты делаешь. Я был в парке. Видел, как ты кормила птиц. Это всё на самом деле.

– На самом деле? – повторила я беспомощно.

Он указал на часы.

– Что мне делать, дядя? – спросила я жалобно.

– Не знаю, Май, – он вздохнул. – Ты уже большая. Живи. Пожалуйста, живи. Ради меня, ради себя.

Я молчала.

– Будет трудно, Май. Поверив мне, ты потеряешь всё. Всё. Если боишься... выбрось мои таблетки и телефон, пусть всё идёт, как прежде.

– Ну уж нет, – возразила я решительно. – Я и так собиралась сбежать.

Он улыбнулся.

– Ну и хорошо.

Видно, лицо у меня сильно изменилось. Но оставалось всего пять минут.

– До свиданья, дядя, – я протянула ему руку, а он... стал на колени. Ну, ладно. – Да будет путь твой успешным.

– Ради тебя, Светлая.

Я опустилась на кровать, закрыв лицо ладонями. Что-то скрипнуло, волна холодного воздуха пронеслась по комнате. Тихо. Я отняла ладони от лица.

Одна.

У меня едва хватило времени, чтобы стянуть и спрятать перчатки, выключить кондиционер и юркнуть в постель.

Вскоре с той стороны поскреблись. Я сплю. Я сплю. Я повторяла про себя эти слова, и мне стало казаться, что я действительно засыпаю. Дверь отворилась. Миан. Она бесшумно подошла... встала у кровати на колени... Я знала, что именно так всё и происходит. От неё пахло страхом... опасением.

Я сплю.

Пальцы в перчатке прикоснулись к моей щеке. Я чуть не улыбнулась. Успокойся, Миан, твоя Утренняя Звезда уже не больна.

Миан выключила ночник и удалилась. Замок тихо прозвенел колокольчиком – заперся.

Я сплю...

3. Песни моря

Я проснулась за полчаса до времени, когда привыкла вставать. Впервые за много ночей я ощущала, что мне хорошо.

От нечего делать ворочалась, пока в бок не уткнулось что-то твёрдое. Я не сразу извлекла предмет, запутавшийся внутри кармашка. А когда извлекла, едва не подпрыгнула.

Талисман. Морской конёк.

Дядя!

Запустила руку под подушку, с ужасом ожидая, что там пусто. Нет, телефон и флакон на месте. Куда бы их деть? Я ходила по комнате туда и сюда, пытаюсь придумать, куда бы их сунуть, пока вдруг не вспомнила. Держать при себе! Только при себе!

Что с моей памятью?

Начала вспоминать события ночи. Не сразу, но вспомнила всё. Не нравится мне это, не должна я так быстро забывать. А это ещё что?

У входной двери, на полочке, стоял бокал. И лежала таблетка. Желтоватая. Я открыла свой медальон, высыпала всё, что там есть – шесть таблеток – на ладонь.

Такие же. Странно, мне казалось, что они ослепительно-белые.

Никаких таблеток я не просила. Или просила? Я подошла вперёд, рука сама собой потянулась к бокалу. Медальон выпал из руки, таблетки раскатились в разные стороны.

Остановись, Май. Не подчиняйся.

Помогло. Остановилась, ясность мышления вернулась. Пока стояла и смотрела, стало казаться, что накатывает дремота. Я открыла трясущимися руками флакон, что оставил мне дядя, вытряхнула таблетку из него. Такая же, как и те, что ночью принесла Миан. Когда он успел их подменить?

Подействовало минуты через три. Ну уж нет, эти я пить не стану. Собрала с пола оставшиеся таблетки и прогулялась в ванную – избавиться от них. Заодно и умоюсь.

Я ничего не слышала, но к моему возвращению бокала на полочке не было. Судя по тому, как привычно я к нему потянулась, по утрам я делаю именно это. Как мило, тётушка. Что это? Наркотик?

В дверь поскреблись. Миан. Её госпоже пора вставать и спускаться к завтраку.

– Уже иду! – отозвалась я. Тоже как-то чересчур привычно.

Так. В медальон поместилось восемь «новых» таблеток, телефон очень удобно устроился на поясе. Настолько плоский, что почти не ощущается. Под верхним платьем его не заметно. Специально посмотрела на себя в зеркало – действительно, не заметно.

Таблетка действовала, настроение стало совсем радужным. Удержалась, чтобы не бежать по лестнице – что, конечно, вовсе не подобает девице благородного происхождения.

Неизвестно когда выработавшийся автоматизм вновь помог мне. У поворота направо, в столовую, я отчего-то замедлила шаг, повернулась налево...

Прямо под лестницей – приоткрытая дверь. Туда?

– Заходи, заходи, – приветствовала меня тётушка Ройсан. Под лестницей оказалась крохотная комнатка, где едва удалось поставить два кресла. – Садись.

Я едва не вздрогнула, потому что одновременно с этим услышала ещё одно слово. Голос, произнесший его, раздался у меня прямо в голове.

«Запоминай».

Губы тётушки при этом едва заметно шевельнулись.

* * *

Я подчиняюсь, вспомнила я. В страхе ожидая, что дремота охватит меня... и всё, вместо меня проснётся совсем другая Майтенаринн. Какое мерзкое ощущение, эта дремота!

– Да, тётушка, – услышала я свой голос. Совершенно не мой голос, деревянный.

Видимо, всё шло, как и ожидалось, потому что тётушка улыбнулась (точь-в-точь злая ведьма-людоедка из сказок) и продолжила.

– Сегодня к полудню ты направишься на Северный рынок. По пути зайдёшь...

Голос её был неторопливым и ровным, сказанное запоминалось легко и сразу. И время от времени в голове звучал этот, «новый», голос. Я согласно кивала и подтверждала, что всё поняла. Минут через десять эта пытка кончилась. Да, вот так всё и происходит. Вопрос, как часто?

Не помню, когда именно, но по пути к столу голос велел мне «проснуться». Выглядеть язвительной и оживлённой труда не составило. Тем более что именно такой мне голос казаться и велел. На всякий случай я вновь вспомнила то, что случилось ночью... всё помню, всё! И на этом спасибо.

– Постарайся сегодня на вечер не увлекаться, – напомнила тётушка. – Помни, тебе противопоказано пить.

А также курить, вспомнила я, смотреть видео и «подставлять ушки». Если я спяну нажусь табачных палочек и «расстегнусь» – тётушку, вероятно, хватит удар.

Должно быть, на лице моём что-то отразилось, потому что тётушка неожиданно смягчилась.

– Ну, хорошо, хорошо. Но только вино. Не более одного бокала за вечер.

Никогда не пила вина. Честно. Или не помню. При мысли о том, что я могу не помнить очень многого, мне стало не по себе. Только не подавать виду...

– Спасибо, тётушка, – ответила я вполне искренне. По-своему, она, конечно, обо мне заботится. Вот только что это за таблетки?

Надо узнать.

* * *

Многие, наверное, подносили к уху витые морские раковины, слушали «шум моря». Сегодня я себя ощущала, наоборот, забравшейся в подобную раковину. Звуки и запахи окружающего мира отдавались эхом. Хорошо, что перед самой дверью, ведущей из дома, я успела проглотить ещё одну «новую» таблетку. Потому что дремота вновь начала обволакивать меня.

Какой кошмар, неужели я так и жила?

Видимо, да. Как много красок вокруг, новых ощущений! Тётушка, за что меня так, в чём я провинилась?

Люди старались попасться мне на глаза. Не избегали меня, как вчера. Видимо, что-то изменилось в моём облике. Мантии на мне уже нет, только шапочка магистра, выходное платье и всё те же сапожки из змеиной кожи.

Сценарий, которому я должна была следовать, был нарушен почти сразу же. Правда, непреднамеренно. Тётушка велела мне зайти в аптеку, купить разных мелочей. Вот-де, аристократы не чужды того же, что и все прочие. Мне было отчего-то очень весело. Я улыбнулась аптекарю так, что тот чуть не упал в обморок. Что это с ним?

Мать с дочерью я увидела, выходя из аптеки. Бросила краткий взгляд на почтительно склонившую голову женщину... и ощутила... наверное, запах. Не знаю, как это назвать – ощущение беды.

Я подошла поближе. Девочка смотрела куда-то сквозь меня. Улыбка застыла на её лице. Что-то с ней очень неправильное. Я прикоснулась пальцем в перчатке к лицу малышки. Мать не осмеливалась поднять взгляд.

Девочка слепа!

По пальцам, ощутимая сквозь тонкую ткань перчатки, пробежала дрожь. Мне стало тошно. Что-то чёрное заполняло силуэт трёхлетней девочки, что-то колыхалось внутри её головы... невидимое обычному взгляду, но несомненное. Я отпрянула – мне показалось, что чернота потянулась за моими пальцами, свиваясь в вязкие нити.

Я отступила на шаг, брезгливо стряхнула черноту под ноги. Тут же ощущение прошло. Никакой черноты. Никаких нитей. Всё, как и прежде.

Только мать девочки побледнела; она смотрела – не на меня, в лицо дочери. Глаза той повернулись, сощурились... встретились с глазами матери...

Стало неестественно тихо. Я осмотрелась боковым зрением, стараясь не привлекать внимания. Вокруг нас троих собралось не менее десятка человек.

– Она... – всхлипнула женщина и упала бы навзничь, ноги её подкосились. Но её подхватили, удержали. Люди смотрели в мою сторону, стараясь не встречаться со мной взглядом.

Губы у меня дрожали... Нет, это не я, не я! Я... я не умею!

Повернувшись, я сделала – больше, чтобы успокоиться – знак Всевидящего Ока – и направилась туда, где был заготовлен спектакль с исцелением.

Я вся дрожала. Справиться с дрожью удалось не скоро.

* * *

Журналистов я заметила почти сразу. Те старались не попадаться на глаза, но им это плохо удавалось. Я не сразу осознала, что ощущаю теперь чужое внимание. И если по пути от аптеки вокруг меня словно бы колыхалось тёплое облачко, то при входе на рынок (очень, очень странное место для Утренней Звезды) меня стало «укалывать». Источники «уколов» легко обнаруживались. Интересно, их созвала тётушка, или слухи о случившемся у аптеки уже распространились по городу? Кто-то говорил, помнится, что скорость распространения света существенно меньше скорости распространения слухов.

Ладно, пусть себе смотрят.

Я по-прежнему «сидела в раковине». Каждый звук отдавался эхом.

«Больной» сидел, среди прочих калек, настоящих и мнимых, у входа на мясные ряды. Меня уже начинало поташнивать от густой смеси запахов, человеческих и животных, приятных и омерзительных. Держись, Май...

Вот он. Лжебольной. Такой «перелом», как у тебя, опытный врач устроит и «исцелит» минут за пять. Внесём-ка исправления в план. Спектакля не будет, тётушка! Не позволю выставлять себя на посмешище!

«Калека» что-то пролепетал и упал лицом вниз – почти касаясь уличной грязи, умоляюще простирая руки.

Я села перед ним, ощущая, как «уколы» становятся всё неприятнее. Дядя, дядя, надо было предупредить...

– Ты хотел обмануть меня? – спросила я громко и нахмурилась. – Ямы с собаками ещё никто не отменял.

Полная тишина вокруг. Невероятная. Уколы превратились в жжение. От смрада и звона в ушах всё вокруг плыло и двоилось перед глазами.

– Вон из города, – велела я тихо, но люди отшатнулись. «Калека» поднялся, насмерть перепуганный. Он уже не притворялся. Ужас лишил его дара речи – он падал, пытаясь под-

няться, размахивал ненужными костылями. Поскуливая, бросился наутёк. Люди расступались перед ним, словно то бежал зачумлённый.

Ещё несколько «калек» тут же «исцелились», вскочили на ноги и опустили взгляд; бледность проступала на их лицах – там, где грязи было не слишком много. Я качнула головой и стражи порядка, неведомо откуда взявшиеся, погнали всю эту отвратительную компанию в шею.

Трое осталось сидеть в грязи. Подлинные больные.

Я присела перед одним. Очень не хотелось прикасаться к нему... но выхода нет. Никто не мечтал бы оказаться на его месте. Немного оставалось от его лёгких. Я не знала, что именно – ощущала распад, как ощутила не так давно слепоту. Ну, Владычица Жизни, помогай.

Нищий, вероятно, вскрикнул бы. Но и у него, и у меня огненным обручем сдавило горло. Я не знала, как надо по-настоящему лечить, хотела лишь одного – вытолкнуть, выплеснуть черноту, что доедала жизнь этого человека. Выплеснуть так, чтобы никого не задеть.

Со стороны показалось, что меня толкнули в спину. Я чудом не упала в грязь; но удержалась сама и удержала своего неожиданного «пациента».

Он судорожно вдохнул. Ещё раз. Взглянул мне в лицо с восхищением... упал ниц.

Но мне было всё равно.

Очень сильно болело горло. Огнём горела ладонь – правая, которую я прижимала к его груди. Боль постепенно отпускала.

Прошла целая вечность. И на этот раз тишина взорвалась криками. Если бы эти люди осмелились, они пронесли бы меня на руках. Но – только славили моё имя, избегая смотреть в лицо.

Правда, «уколы» ещё ощущались. Вот вам сенсация, подумала я. Подавитесь ей! Усталость обволокла меня, и я не вполне осознавала, как брела дальше. Удивительно – обе перчатки остались безукоризненно чистыми.

Однако самое неприятное было ещё впереди.

* * *

– ...пытаясь воскресить миф о том, что Утренняя Звезда в состоянии даровать исцеление кому и когда угодно.

Ой, как много мигалок! Это ещё что такое? Голос, несомненно, принадлежал корреспонденту. Я слышала чью-то ещё скороговорку – тоже, конечно, из рыцарей камеры и микрофона. Язык был не тегарским.

Толпа расступилась. Причём, простых людей здесь почти не было. А были непривычно нарядно одетые коренастые мужчины с короткими усиками, темнолицые, с длинными волосами, заплетёнными в косичку. И вскоре я увидела причину всего этого.

Интересно, что занесло сюда Чрезвычайного Посла Федерации Никкамо? Нашего, кстати, недавнего врага, немало уничтожившего тегарцев во времена Гражданской войны. А, понятно. Потешиться над суевериями южных горцев, высмеять их нелепые попытки воскресить миф... и так далее.

Мне стало вначале стыдно, потом – обидно. Несколькими секундами позже я была разозлена до точки кипения... но продолжала улыбаться.

Словно во сне, не сводя взгляда с Её Превосходительства, я двигалась к ней. Посол вежливо улыбалась. Впрочем, вежливость, как подсказывало чутьё, была смешана с презрением и брезгливостью.

Я остановилась в трёх шагах – заметив, как напряглись телохранители. Дюжина мускулистых головорезов – их не очень-то изменили изысканные костюмы.

А вы красивы, Ваше Превосходительство. Стройны, высоки, только слегка портят вас широкие скулы и глубоко посаженные глаза. Зато какая золотая диадема на тронутых сединой коротких волосах. Какая кожа, глубокого шоколадного оттенка.

Да, вы красивы. Рядом с вами я меркну. Хотя я и благородного происхождения.

Посол чуть наклонила голову и приятным голосом что-то сказала. Я уловила только имена.

– Тахе Майтенаринн Левватен эс Тонгвер, Её Превосходительство тахе-те Кайстан эс ан Никкамо-Таэр рада приветствовать вас при столь необычных обстоятельствах, – учтиво послышалось справа от меня. Я кивнула, сохраняя молчание, вглядываясь в Её Превосходительство.

Напряжение вокруг нарастало. Наверное, сочли меня онемевшей или сумасшедшей. У нас в Университете тоже считают таких вот исцелителей людьми не вполне здоровыми. И я считала. Не очень давно.

Я чуть наклонила голову... и снова увидела. Ай-яй-яй, Ваше Превосходительство... Не бережете себя, подставляя Ваши Изысканные Ушки слишком многим... балуетесь наркотиками, да и с суставами у вас неладно.

– Не бойтесь, – произнесла я спокойно и шагнула вперёд, снимая левую перчатку. Охрана сделала шаг в мою сторону, но Её Превосходительство жестом остановила их. Улыбалась она уже откровенно издевательски. Я различила амулет на её шее. И эти люди считают нас варварами.

Я не стала прикасаться к ней. Но чего мне это стоило! Черноты и мерзости в Её Превосходительстве было столько, что предыдущий нищий показался бы идеалом здоровья. Я боялась, что меня стошнит прямо на её роскошный мундир, но сумела удержаться. Улыбка на моём лице, как потом было видно на видеозаписи, под конец стала откровенно злобной. Ещё бы. Знали бы все вокруг, как мне было погано...

Я сняла вторую перчатку (многие инстинктивно закрыли лица ладонями), и, вслед за первой, бросила под ноги Её Превосходительства. Та тяжело дышала, глядя на меня широко раскрытыми глазами.

Только сейчас я заметила дула пистолетов, направленные в мою сторону. Плевать. Ничего я не боюсь... здесь и сейчас.

– Тысячелетия жизни Вам и Вашему достойному Правителю, – пожелала я, исполняя очередной знак Всевидящего Ока. Лишь я одна заметила, как испугалась госпожа посол, как дрожали её губы. Никто более этого не заметил. Молодцы журналисты, умеют предотвратить скандал.

Слегка поклонившись, я продолжила путь. Не устаивая собравшихся ни единым взглядом. Всё, мне нужно где-нибудь отдохнуть. На узкой улочке, на почтительном расстоянии от посольских машин, ожидал кого-то изящный и красивый серый «буйвол» о двухстах лошадиных силах. Я непроизвольно шагнула в его сторону.

– Не согласится ли Светлая воспользоваться моим скромным экипажем? – осведомился (не без иронии в голосе) стоящий у машины человек. Одетый в старенький серый костюм. С интересом наблюдавший за происшествием с Её Превосходительством. Вид у меня был измученный; удерживать улыбку было почти непереносимой пыткой. Болело всё, что может болеть.

– Согласится, – соблаговолила я. Когда дверь за мной захлопнулась, и водитель уселся впереди, я тихо попросила. – Отвезите меня в какой-нибудь парк, подальше отсюда. А потом в Университет. В больничный городок.

Водитель кивнул, но не успел тронуться с места. В окно тихо постучали. Я увидела, что к «буйволу» успела подобраться почти вся свита Её Превосходительства.

Дверцу машины открыли. Помогли мне выйти.

– Тахе-тари Майтенаринн Левватен эс Тонгвер эс ан Тегарон, Её Превосходительство тахе-те Кайстан эс ан Никкамо-Таэр просит Вас принять в дар вот это, – прошелестел переводчик. Кто-то из её свиты, согнав с лица своего спесь, с поклоном вручил мне шкатулку красного дерева. Я едва не выронила её, такая оказалась тяжёлая. Отдельно – золотую коробочку – вероятно, ключ. Поблагодарила, поклонившись куда учтивее, чем прежде.

Посол поклонилась мне в ответ. Когда я подняла взгляд, вся их процессия удалялась.

* * *

В парке было прохладно.

– Здорово сыграно, – признал мой новый знакомый, помогая (под локоть; запасных перчаток у меня не было) выбраться наружу. Шкатулку я оставила на сиденье. Честно говоря, мне было всё равно, что там, внутри.

Какая у него светлая кожа! Нездешний? Подвижный, худощавый, но – совершенно седой.

– Сыграно? – под глазами у меня появились тёмные круги. Я тайком от водителя проглотила ещё одну таблетку, и это оказалось очень кстати. Только не увлекаться, Май. У тебя ещё выступление в Университете. – Хотите, я вылечу вам зуб? Или... – я опустила взгляд и с удовольствием заметила, как краснота тронула шею человека. Интересно, кто он? На вид – не тегарец. Говорит с лёгким акцентом.

– Какой именно зуб? – хрипло уточнил он, стараясь выглядеть ироничным.

– Да хоть все три.

Он замолчал. Я прислонилась лбом к стволу старой ели. Как хорошо... и мерзко быть исцелительницей. Как мне это удалось? Почему я не удивляюсь этому?

Я тут же удивилась. И испугалась. И сразу же «выскочила из раковины». Исчезло эхо, исчезла «вата в ушах».

– Не хочу.

Лжёт.

– Врёте, – немедленно отозвалась я. Он опешил. От моей манеры говорить, конечно. А я хочу говорить именно таким языком.

– Вы меня пугаете, Светлая, – признался он. Мы встретились взглядами и улыбнулись. Я вздохнула.

– Я знаю, – подняла голову вверх. Незнакомец отвёл взгляд. – Сегодня я сама себя боюсь.

Я долго стояла, запрокинув голову. Наконец, стало вполне приемлемо. Главное, исчез комок из горла.

– Поехали, – предложила я.

– Вам не интересно, кто я? – поинтересовался незнакомец, когда мы, после пятнадцати минут непрерывных поворотов, добрались до здания с вымпелом Красного Месяца. – Или уже знаете?

– Нет, не знаю, – ответила я честно. – Но вы мне очень помогли. Крайне признательна.

Он помог мне выйти и смотрел вслед, пока за спиной моей не затворилась массивная дубовая дверь приёмного покоя.

4. Диагностика

Меня осматривал лично Саванти Маэр-Тиро эс Гатто, редкий для наших мест уроженец южного континента, Тераны. Одно из прозвищ – Хлыст. Два года назад окончил Университет и остался здесь. Успел дорасти до заместителя главного врача. Всего на четыре года старше меня...

Хлыст являл собой неизменно комичное зрелище. Вечно надменным выражением лица. Привычкой стричься почти наголо. Постоянно изящной походкой и оскорбительно вежливым тоном. Увидев меня, он широко открыл глаза. Очки-невидимки, главная гордость Хлыста, восприняли это движение своеобразно: взмахнули «стёклами» вверх-вниз и растворились в воздухе. Я поджала губы, чтобы не рассмеяться.

– Май? Неплохо начинаешь первый день, неплохо... Ну, не обижайся, если что. Эй, верные слуги, на стол её, в «пасть».

Диагност – вероятно, самая сложная машина на территории графства – действительно походил на пасть. Весёлые ребята, эти медики.

Верные слуги – три девицы в белых с зелёной каймой халатах практикантов – выполнили приказание, сохраняя каменную серьёзность на лицах. Сам Хлыст улыбается, только когда хочет изречь какую-нибудь редкостную гадость.

– Решила идти в ногу со временем? – осведомился он, помогая мне снять верхнее платье. Телефон! Вот же напасть. Флакон и шкатулку я успела оставить в сейфе, в приёмном покое, а вот телефон...

– Хотела назначить тебе свидание, – язык мой действовал независимо от разума. – Теперь придётся назначить кому-нибудь ещё, раз сюрприза не выйдет.

– А я чем плох? – Хлыст убедился, что девицы покинули комнату, собрались у пульта управления диагностом. – Запиши, если не передумаешь – Яттан сто три. Так... дай-ка пока его сюда. Штука нежная, сгореть может.

Мне стало зябко. И почему во всех медицинских учреждениях такой холод?

– Закрой глаза, Королева, – если вспомнил прозвище, значит, шутки в сторону. – Не шевелись. Интересно, интересно... Поехали, – махнул он рукой. – Во втором режиме, два... э-э-э... ладно, три прохода.

Что-то лязгнуло и «пасть» закрылась.

Вспыхнул белый свет – яркий, было неприятно даже сквозь сомкнутые веки. Тут же я ощутила вибрацию. Похожую на ту, что сопровождала сегодняшние исцеления. Я непроизвольно дёрнулась (Хлыст что-то проворчал) и, видимо, застонала... очень уж было неприятно.

И ещё раз. Тон гудения диагноста сменился. И вновь меня режет невидимая звенящая нить. Ой, как противно. В этот раз я сумела не пошевелиться, не издать ни звука. Третий проход. Гул сменился едва слышным писком. Заломило в ушах, иголки вонзались где-то возле висков. Затылок немилосердно пекло. О, Хлыст, любишь ты подобные «удовольствия»...

Пасть распахнулась. Новая волна прохладного воздуха, от которого застучали зубы и мурашки пошли по коже.

– Давайте, расшифровывайте, – махнул Хлыст рукой. – Пусть потрудятся. – Это он уже мне. – Скучно им. Ничего, сегодня вечером у них дежурство – мало не покажется.

Я едва не уронила телефон в попытках пристегнуть его. Потом всё же уронила – хорошо, пол мягкий – и чуть не наступила сверху.

– Как тебя ведёт... – нахмурился Хлыст. – Слушай, подруга, ты знаешь, что тебе чуть больше дня осталось?

Люблю врачей за непосредственность.

– З-з-знаю, – кивнула я.

– Лежать бы тебе дома, пить минералку и читать книги. А не развлекаться. Ну-ка, давай помогу.

Помощь оказалась кстати – тело повиновалось мне с трудом. Хлыст небрежно взмахнул рукой, и в комнате стало ощутимо прохладнее. Кондиционер.

– Из-з-з-здеваешься? – возмутилась я.

– Сейчас мои девицы сюда войдут, – Хлыст поднял указательный палец, – и башенки-то у них поносит. Почему без перчаток? У меня хронический ринит, но даже я чувствую.

Ого!

– А ты, значит, стойкий?

– Ты даже не представляешь, насколько, – наконец-то он улыбнулся. – Ладно. Идём, развлеку тебя, пока там дешифруют. Пока на вот, одень.

– Надень, – поправила я, натягивая тесные перчатки.

– Королева, что с тобой? Прописать тебе клизму, для уравновешенности? Одевай, одевай, пошли в буфет. Коктейля выпьем.

– Слушай, Хл... – он довольно ухмыльнулся. – Саванти, у меня дела. Честно.

– Какое совпадение! Идём, идём. За счёт заведения.

Что-то в его интонации побудило меня не пререкаться.

* * *

В буфете былолюдно, но, стоило нам с Хлыстом появиться – и люди начали расходиться. Осталось всего трое – мрачно выглядящий буфетчик (сколько помню, всегда у него кислое выражение лица), да двое студентов. По-моему, с исторического. Передавали друг другу стопку листов, вчитываясь в неё, время от времени поднимали глаза к потолку. К речи готовятся?

– Я сейчас, – Хлыст оставил очки на столе. Забавная игрушка: подносишь к ним руку – проявляются, убираешь – становятся едва заметными. Хлыст что-то втолковывал буфетчику, тот внимал без особого энтузиазма. Наконец, Саванти вернулся, улыбаясь краешком губ, уселся напротив и кашлянул. Студенты покосились на него, вернулись к своему занятию.

– Как себя чувствуешь? – неожиданно спросил Саванти. Спросил и опустил глаза, проводя над очками кончиками пальцев.

– Есть хочу, – отозвалась я немедленно. Перчатки малы размера на два. Быстрее бы добраться до своей комнаты.

– И всё?

– Перчатки жмут, – добавила я, пытаюсь понять, успею натереть мозоли или нет.

– И всё?

– Нет.

Буфетчик возник из двери служебного лифта и поставил перед нами поднос. Причудливой формы кувшин, пару стаканов, тарелку с горой бутербродов и сифон с водой. Я потянулась к сифону, но Хлыст покачал головой. Указал взглядом на кувшин.

Там оказалось что-то взбитое, воздушное, сладкое до приторности. Я отпила глоток и закашлялась. Хлыст даже не пошевелился.

– Что... за гадость? – поинтересовалась я. Теперь мне не просто хотелось есть. Теперь мне хотелось проглотить всё съедобное, что увижу вокруг, не жуя.

– Специально для тебя смешали, – пояснил Хлыст. – Надо выпить всё.

Я взяла себя в руки и не запустила в него стаканом.

– Врач плохого не посоветует, – добавил Хлыст. Налил себе воды из сифона и отхлебнул, манерно отставив мизинец в сторону.

Я допила стакан, почти не поморщившись. Налила ещё. Да там стаканов пять будет!

Саванти смотрел на меня, уже не улыбаясь.

Я медленно допила второй стакан, налила третий.

Странно, но голод отступил. Ну не совсем, но желудок уже не жгло, в животе не крутило. Хм. Я отпила ещё глоток и подумала, что, по существу, коктейль не такой уж и мерзкий. Ладно. Посмотрим, кто кого переупрямит.

Четвёртый стакан прошёл совсем легко. Так... Надеюсь, я успею добежать до... Столько жидкости подряд – не шутка.

Оставалось две трети стакана. Я дождалась, пока из кувшина не перестанет капать. Напиток оказался совершенно безвкусным. Плохо перемешали?

– Что теперь?

– Теперь, – Саванти налил себе газированной воды, – я буду есть. А ты – как хочешь.

Я протянула руку к бутерброду... Странно. Есть не хотелось совершенно. Ни капельки! В смысле – ни кусочка! Осторожно пошевелилась. Ничего не болит. Мне уже не было холодно.

– Как интересно, – подумала я вслух, – мне уже хорошо.

Саванти поднял взгляд, улыбка осветила его лицо. Я взглянула влево и увидела, к великому изумлению, что буфетчик тоже улыбается. Впервые на моей памяти! И не сутулится, не хватается то и дело за поясницу.

– Май, – сообщил Саванти, поставив локти на стол и уперев подбородок в ладони. – Я тебя люблю.

Я почему-то не удивилась. Словно слышала такие признания каждые пять минут. Посмотрела на него и улыбнулась.

– Ты вздорная, заносчивая, у тебя тяжёлая рука, с тобой совершенно не о чем поговорить, – продолжил Хлыст. Студенты смотрели на нас ошалело. Саванти никого и ничего не замечал. Глядел на меня и улыбался. – Пять минут спустя я буду казаться другим, но ты мне не верь.

– Хорошо, – я сняла правую перчатку, прижала ладонь к его щеке. Саванти вздрогнул, посмотрел на меня жалобно. – Мне давно не было так хорошо, Саванти.

– Вы вся светитесь, – похвалил меня буфетчик. – Вы никогда так чудесно не выглядели. Подождите минутку, – он забрал кувшин и мой стакан, удалился.

Саванти вздохнул, прижал легонько мою ладонь к своей щеке, медленно отстранился.

– Я могу спросить, что с тобой случилось? – он постучал кончиками пальцев по столу.

Я вздохнула в ответ и натянула перчатку. Помедлила, стянула её вновь, стянула вторую. Протянула обе Хлысту.

– Спасибо, Саванти.

– Это означает «нет»?

– Можешь, – возразила я. – Сегодня утром я проснулась.

Он чуть повернул голову. Ещё раз, в другую сторону. Какие у него роскошные, белые брови... И волосы, цвета воронова крыла... И нос, как у орла. В тот момент Хлыст выглядел величественно. Честно!

– Да, похоже на то, – согласился он. – Тебя не узнать, Королева. Я бы сказал, что тебя подменили. И что теперь?

Самой интересно.

– Самой интересно, – повторила я вслух. Тут вновь возник буфетчик, поставил передо мной и Саванти по маленькой рюмке. Я осторожно поднесла её к губам.

Как вкусно!

– Ваше здоровье, Светлая! – буфетчик поставил по рюмке перед каждым из студентов (те так и сидели, забыв закрыть рты). – Живите вечно!

Мы пили медленно, наслаждаясь.

– Светлая, – Саванти помрачнел, поднялся на ноги. – Уже должны расшифровать. Пошли, Королева, у тебя ведь дела.

Вот ведь свинья!

– Спасибо, – я легонько обняла буфетчика – тот вздрогнул – и прикоснулась пальцами к щеке каждого из студентов. Те выглядели так, словно при них произошло великое чудо. Всё, подумала я отчего-то. Можно идти.

Саванти мрачнел с каждым шагом; когда мы вернулись в пультовую, ассистентка (одна, где остальные?) смотрела на него с испугом.

– Желудок, – объявил Хлыст. Дал знак девице, та кивнула, что-то сказала в селектор – Ничего страшного, сейчас пройдёт. Ты к себе? – повернулся он ко мне. – Давай провожу.

Вернулся из приёмного покоя со шкатулкой, коробочкой и флаконом, отдал мне всё это. Судя по выражению лица, мыслями Хлыст был далеко отсюда.

– Заприте здесь всё, – обратился он к недоумевающим «верным слугам». – Да, я отменяю ваше дежурство сегодня ночью. Потом отработаете.

Умеет наш Хлыст сказать пакость так, что от души радуешься. Девицы взвизгнули, запрыгали и заулыбались. Будто не знают, что такое «потом отработаете». И убежали прочь, помавав мне руками на прощание.

* * *

Мы двигались молча. В Университете было пустынно; вошли по переходу в учебный корпус (охранник вытянулся в струнку, когда мы проходили мимо). Стало немного печально. Мне, во всяком случае. Ни души вокруг, эхо от щелчков каблучков об пол, а за окнами – парк. Прекрасное место. Но всё хорошее кончается.

– Хотел тебе всё это истолковать, – Хлыст помавал в воздухе стопкой «расшифровки», – но сейчас уже не уверен, что нужно. Вкратце. Когда ты пришла, то была на грани полного нервного и физического истощения. Сердце никакое, иммунная система рушится, эндокринная – скоро рухнет. Знал бы, не повёл тебя в буфет. Девицы мои сидели в реанимационной, ждали звонка.

Вот как, подумала я. Бедный Хлыст. Странно, я себя настолько развалиной не ощущала!

Остаток пути мы прошли молча. Пока я ходила на вахту за ключами от апартаментов, Саванти ожидал меня со шкатулкой и прочим у лифта.

– Я подобрал тебе кое-чего, – он вынул из кармана и протянул мне небольшой пакетик. Внутри что-то шуршало. – Так, мелочь, витамины, всё в таком духе. Возьмёшь?

– Спасибо, Саванти. Не надо.

Он усмехнулся и спрятал пакетик.

– Я всё ждал, когда же ты заедешь мне в ухо, – признался он, протягивая шкатулку. – Ты помнишь? Я тебя уже называл однажды подружкой. По пьяному делу. Думал, ты мне все зубы выбьешь.

– Нет, Саванти, – я была ошарашена. Не могло такого быть! – Не помню.

Он помавал рукой и отбыл. Очень часто наклонял голову и поправлял невидимые очки.

А я с удивлением обнаружила, что не помню, каким ключом отпирается внешний замок. Все они были примерно одного размера. Пришлось перебирать.

Внутри я вошла в совершенном смятении. Что же мне делать? Какой же я была всё это время?

Что у вас на уме, тётушка?

5. Тайник

В апартаментах всё было не так. Нет, судя по запаху, никто, кроме меня здесь не жил ни единого часа – обоняние не провести. Но обстановка, вещи... И пыль! Что такое? Разве расставила бы я мебель таким образом?

Слева от входа слабо мерцает терминал связи. Я вспомнила, сколько стоит его установка, и поёжилась. Точно такой же терминал – за углом, выйти отсюда и прогуляться шагов двадцать. Перед зачётом там не протолкнуться от желающих сделать запрос в библиотеку. Я, значит, работала в полном комфорте. Как приятно быть богатой.

Прижала ладонь к сенсору. Прошло секунды три (я уж подумала, что машина сломана) и экран подсветился. Сообщений нет. Единственное украшение экрана, помимо кнопки «меню» – сиротливая записочка. Похоже, сама себе оставила. «Сегодня в 14:20, комн. 105». Ага. Ну да, конечно. В сто пятой – как раз перед выходом на балкон над площадью Собраний. Все, кому положено выступать, собираются в сто пятой. Ещё два часа с небольшим. Не знаю, о чём я там буду говорить – что-нибудь придумаю. Хотя, наверное, положат листик со шпартгалкой, как на церемонии выпуска.

Я закрыла внешнюю связь (подумав, оставила разрешение на «Яттан 103», то есть, Саванти), включила опережающее слежение. Штука удобная, но с непривычки может напугать – при вызове пульт проецирует перед глазами текст сообщения. На ночь включать не советуют.

Всё. Заперла дверь и пошла переодеваться. На пороге спальни замерла.

Великое Небо, неужели я могла так небрежно разбрасывать вещи? Ну, хоть, простите, использованное бельё нигде не валяется. Что-то странное, Май, – подумала я в который раз. В шкафу отыскался костюм. Пара старых перчаток, такая же старая шапочка. И это всё?

Да, всё. Остальное – вон, короб для грязной одежды. Только что по швам не трещит.

Так.

Я отправилась в душ и, отмокая, думала. Мысли приходили всё больше невесёлые. Дома я – чистюля, а здесь спокойно коплю грязную одежду. Я стиснула зубы. Не помогло, я всё равно покраснела. Не знаю, от чего больше – от стыда или от злости.

Одевшись, я заметила запертую дверь, в которую вероятно, сама никогда не входила. Хозблок. Долго смотрела на связку ключей. Похоже, вот этот. Ну-ка, где тут свет включается?

Разинула рот. За номер с такими удобствами в главной гостинице города, «Небесной Крепости», берут двести тагари в день. На пять тагари можно неделю жить в самом дешёвом номере, с полным содержанием.

Я примерно угадала, какая из штуквин тут исполняет роль стиральной машины. Но, поскольку девице благородного происхождения не пристало...

Я рывком отдернула голову назад, сильно стукнулась о дверь. Не сразу поняла, что это и есть опережающее слежение. Так и шею сломать недолго!

– Слушаю, – отсутствующим голосом произнесла я. Несомненно, тётушка. Не буду включать видеосвязь. Хватит с неё и звука. Видеть её не желаю.

– Обслуживание, тахе-те Майтенаринн. Мы получили сигнал.

Сигнал? Я никого не вызывала.

– Что вам нужно? – спросила я неожиданно резко.

– Уборка, тахе Майтенаринн. Простите, но вы не разрешили входить в апартаменты до вашего возвращения.

Получи, Май!

Я открыла дверь. Да, действительно. Парень с девушкой, в униформе – явно нервничают. Интересно, как я должна себя вести, с их точки зрения? Парень придерживал пылесос.

– Поставьте его сюда, – указала я, куда именно. Ага, получилось. Дара речи они уже лишились. – И... помогите разобраться.

Как они застёгнуты! Впрочем, понятно. Обслуга «Небесной Крепости» тоже застёгивается наглухо. Ни единой молекулы... короче, постороннего запаха в номерах важных постояльцев. Хлыст как-то ворчал, что интоксикация собственными э-э-э... сигнальными веществами – верный путь в клинику для душевнобольных. Но кого это волнует.

– С чем... тахе Майтенаринн? – уточнил парень.

Я поманила его за собой (они двинулись оба, словно замороженные) и указала на «стиральную машину».

– Вот с этим. Хочу идти в ногу со временем, – добавила я, вспомнив Саванти.

Тут они оба рассмеялись – я и сама улыбалась – и ситуация несколько разрядилась.

Через двадцать минут голова у меня немного гудела. Ну конечно, такая техника не может быть рассчитана на невежд. Парень указал мне, как вызывать инструкцию и дал несколько простых пояснений.

– Пылесос оставьте за дверью, – попросил он перед тем, как они оба ушли. Мне казалось, что они бросятся бежать со всех ног, едва закроется дверь в мои апартаменты – но нет. Наоборот, удалились, непринуждённо разговаривая.

Сколько ещё поводов для разговоров я сегодня успею создать?

Ну, хорошо. Полный цикл обработки – сорок минут. Выстирать всё я не успею, да и не придётся: мне нужны только парадная шапочка и перчатки. Вот с этого и начнём.

Когда я запустила, наконец, стирку (помимо светлой одежды, там подвергались обработке двадцать пар перчаток и пять шапочек), меня вновь стала бить дрожь. Но прочие синдромы истощения не возвращались. Действительно, нервы. Я чуть было не выпила ещё одну дядину таблетку... но передумала. Хватит стимуляторов. Мне же сказали, что это большая нагрузка на организм.

Прежде, чем браться за пылесос, осмотрю остальные комнаты. Надо же знать, кем я была вчера. И позавчера. И несколько предыдущих лет.

* * *

Таблетки. Они повсюду, и нигде. В пузырьёчках и россыпью, между листами бумаг в столе, рядом с вазами, между цветочными горшками. До боли знакомые таблетки. Я оставила одну (тщательно спрятала, надо отдать на анализ) и принялась уничтожить все прочие. За двадцать минут я отправила в канализацию более сотни – и это были ещё не все. Похоже, мне предстоит их обнаруживать ещё долго.

Пыль кругом – об этом я говорила. Растения, правда, ухоженные, – значит, поливать не забывала. Записки. Тоже непонятно – почему я их не выбрасывала? Все записки, которые валялись, где придётся, попадали, надо полагать, в эту вот коробку. Вероятно, обслуга не осмеливалась выкидывать то, что Светлая забывала выбросить сама. Я уже было хотела включить пылесос и заняться, наконец, настоящей уборкой, как вдруг заметила эту записку.

Она, единственная, была на виду. К полке её прижимал массивный старый том «Энциклопедии животного мира». Записка гласила, «до 14:20, зайти в 525-ю». И подпись. Зачем мне подписывать памятки самой себе?

Что в 525-й?

Не помню. Подошла к терминалу, посмотрела на план здания. В жилом корпусе 525-я – дежурный администратор и охрана. Надо понимать, у меня были какие-то претензии к обслуге?

Ничего не помню. Наваждение какое-то. Я вздохнула и, прислушиваясь к едва заметной «песне» стирального агрегата, уселась в кресло, держа в руке тот самый том энциклопедии.

Высшие млекопитающие. Просьба исключить на сегодняшний день Майтенаринн из списка высших млекопитающих.

Я не сразу добралась до страницы 525. «Белка-плотник, она же белка-садовник. Ареал обитания – джунгли между 42-й и 32-й параллелью Тераны...» Жуткий зверь – ни то ни сё, помесь белки с лошастью. «Многочисленные эпифиты обязаны своему распространению белке-садовнику... которая прячет их плоды в дуплах и трещинах деревьев».

Белка-плотник. Словно во сне, я отложила книгу, поморгала. Осмотрелась. Ни дупел, ни трещин. Ни плодов, чтобы куда-нибудь спрятать. Прошла по комнатам, дошла до прихожей. Вентиляционные щели. В потолке. Эй, белка, открывай, люди пришли...

* * *

Собственно, потолок во всех комнатах «с секретом» – двойной. Ни человеку, ни даже мыши не пробраться из одних апартаментов в другие, эти проёмы строят не для прогулок. Всё опломбировано, подключена сигнализация, объёмные датчики, датчики температуры, хемоидентификаторы. Чтобы опознать, кто, когда и где находился. Фильтры. Чтобы автоматически очищать воздух от... ну, понятно.

Глянув на часы, я взяла стул и принялась осматривать потолки. Хорошо ещё, панели крупные. В кабинете, там, где была записка – всё запечатано. В спальне – тоже.

В общем, именно в прихожей. Сквозь одну из решёток проглядывала не то ляжка, не то ручка. Ну, это совсем для тупых, почему-то обиделась я. Поставила стул поближе, без особого труда сняла крышку. Да тут человек запросто поместится! Во всяком случае, я – помещусь.

Что-то округлое лежало метрах в трёх от панели. Ладно. Мне теперь либо вызывать службу охраны, либо... Забрать всё самой. Фонарик, конечно же, лежит в хозблоке. Не поленилась, сходила. Стирка закончится через пять минут. Отлично. Как раз гляну на «клад», да пора будет собираться. Интересно, что я могла себе оставить?

Узнать оказалось не очень просто. Никаких тревожащих запахов или звуков из свёртка (то ли пальто, то ли покрывало) не доносилось. Я подтянулась, упёрлась локтями. Не так уж и сложно.

Под локтями что-то тихо щёлкнуло. Локти неожиданно подались вниз – опора оказалась ненадёжной. И впереди меня, прямо перед свёртком, замигали, замигали весёлые огоньки.

Красный, два раза синий, белый, красный. Пауза в пять секунд. Красный, два раза синий, белый, красный.

А вот это действительно для тупых. Дышать стало трудно. Стоять на цыпочках было неудобно, но я ещё прекрасно помнила события прошедшей ночи. Теперь, когда глаза понежному привыкали к полумраку, я видела, на что опираются мои локти – тонкая контактная полоса. Не знаю, смогу ли я удержать её одним локтем.

И конечно же, я забыла нацепить телефон.

Но паника отчего-то не приходила.

* * *

Дядя сказал тогда, что ему нельзя двигаться. Что мне нельзя отдаляться от него – от бомбы? Как мне теперь действовать?

Набрать кодовый номер? Негде. Правда...

Ну да, есть терминал связи. Всё здорово, если бы одно обстоятельство: до него метра три. Таких длинных рук у меня нет. И нет ничего, чтобы дотянуться до сенсора. И бесполезно звать на помощь – что делать потом? Как объяснить, что я тут забыла?

Вот ведь влипла. Все рассуждения промелькнули передо мной за несколько секунд. Всё, что есть – то, что на мне, то, что лежит за бомбой, стул, на который я опираюсь!

Вот оно! Можно попытаться воспользоваться стулом – нажать на сенсор. Мне бы дотянуться два раза. Включить управление голосом. Если только никто не стоит за дверью, смогу выкрутиться.

Осторожно подтянулась, стараясь не двигаться по горизонтали. Пальцы едва не соскользнули. Спокойно, Май. Сжалась в тесном пространстве, не ослабляя нажим на панель. Так. Теперь встать на неё коленями. Повернуться. Упереться пальцами ног и, наконец, дотянуться до стула. Силёнок может не хватить, чтобы поднять его и два раза нажать на сенсор. Но ничего более мне не сделать.

Размечталась. Не то чтобы осторожно нажать ножкой стула – я его и сдвинуть-то не смогла. Вот так, Май. Был бы стандартный пластиковый стул, почти невесомый – была бы надежда. А этот массивный, дубовый, роскошный – вспоминаем физику. Слишком короток рычаг, слишком мало сил. Одна попытка – тщетно. Ещё одна... Ещё...

Стул покачнулся и упал.

Всё.

Ещё немного времени я смогу так провисеть. Обратное мне не забраться, это точно. Что ещё есть?

Пояс. Слишком мягкий. Даже не долетел.

Клипсы. Бросила одну. Мимо. Бросила вторую. Попала!

Меню на экране. Что ещё можно кинуть?

Диадема. Мимо. Я стиснула зубы, сняла ожерелье. Если смогу порвать, будет много мелких снарядов. Лишь бы удержаться.

Смогла. Натянутая нить хлестнула по лицу. Когда я осознала, что сумела удержаться, из рассечённой губы шла кровь, а во рту было два кусочка янтаря. Остальные раскатились по всему полу.

Попала первым же. Хорошо, что цель крупная – видимо, чтобы даже трясущимися руками можно было выбрать нужный пункт с первого раза.

Позволила себе отдышаться. Ноги ныли нестерпимо – нет у меня привычки висеть вот так, вверх ногами, в распоре.

Продиктовала номер, успела перепугаться, что забыла последовательность огоньков. Нет, не забыла. Всё так же неизвестный голос велел повторить семь цифр и отключился.

Ну же...

Я дважды продиктовала номер.

Связь прервалась. Позади и вверху тихо щёлкнуло.

Упав на пол, я едва не свернула шею. Попытавшись подняться – едва не свернула вторично, подвернув ногу на кусочке янтаря.

Посидела на полу, отдышалась. Ну и разгром я тут устроила... Ладно. Ради чего я рисковала жизнью?

Огоньки не горели. Проклятье, надо успеть подлечить губу – скоро выступать. Потом гляну. Надеюсь, новых бомб там нет?

Новых не было.

Какое счастье.

* * *

Я бросила свёрток под кровать, всё ещё ошарашенная. Справилась!

Всё, хватит с меня! Я пинком отправила разряженную мину (вырвала с мясом все проводки) под кровать. Потом разберусь, что там за клад. Иначе, если придёт обслуга и увидит всё это – открытую панель, капли крови, разбросанный янтарь и прочее...

Уборкой придётся заняться после выступления. А сейчас – в душ!

6. Выступление

Если верить инструкции, стиральный комплекс может действовать и без моей помощи. Правда, собираться пришлось в жуткой спешке. Надеюсь, мой запрет на проведение уборки всё ещё в силе – не очень хочется, чтобы кто-нибудь заметил мину-ловушку и свёрток под кроватью.

Ф-ф-фу, едва успела!

В сто пятой, «предбаннике», было уже людно. При моём появлении произошла некоторая, к счастью, короткая, суматоха. Майстан (припомнила я почти сразу), главный администратор, тут же подошёл ко мне, вежливо поклонился. Я ответила, как положено. На этом формальности были закончены – и хорошо. Устала я от поклонов и церемоний за сегодня. Вообще казалось, что из дому я вышла дня три тому назад.

Имя я могла бы и не вспоминать. У нас, оказывается, часть традиций Южного Союза уже соблюдается. Например, ответственные стали носить опознавательные значки – кто такой, за что тут отвечает и так далее. Я представила, как должен был бы выглядеть мой значок, и едва не прыснула со смеху.

– Рад вас видеть в прекрасном расположении духа, – улыбнулся Майстан (точно, ему уже сообщили про нововведения в поддержании чистоты у меня в апартаментах). – Вот текст вашей речи. Всё, как было согласовано. Если захотите что-то добавить, будем признательны.

Да знаю я, знаю. Вот оно, доказательство того, что я марионетка: говорить то, что якобы велела сказать Её Светлость. А на деле – Министр внутренних дел Южного Союза, в который графство формально входит как автономия.

– Если можно, – указала я на свою губу. Кровь удалось остановить, но скудного запаса средств первой помощи на большее не хватило.

– Ох, какое несчастье, – Майстан дал знак и ко мне тут же подошли двое – один в белозелёном халате, врач. Смутно помню лицо, значка не вижу. Должно быть, под халатом.

– Не извольте беспокоиться, тахе, – он присел передо мной и раскрыл небольшой чемоданчик, который ему поддал напарник. – Будет немного жечь. Закройте глаза, ненадолго...

Я послушалась. Приятный запах... мазь? Мне осторожно нанесли её на ранку. Больно не было, было страшно щекотно. Чего мне стоило усидеть на месте!

А потом действительно стало жечь. И ещё как. Мне потом сказали, что у меня было настолько спокойное выражение лица, что врачи даже подумали – не перепутали ли мазь. Нет, не перепутали. Минуты через три страдания окончились, я открыла глаза.

– Нет-нет, не надо облизывать, – всполошился врач, протягивая салфетку. – Не болит?

Я заглянула в зеркало, по правую руку; по традиции – латунное. Нет, всё в порядке, ранка зажила. Готова к представлению.

– Не болит, – встала я. – Мне уже пора?

– Нет ещё, тахе, – Майстан указал за спину. Да, чей-то голос всё ещё раскатывался над площадью – не помню, кто это, усилители немного искажают звук. Ну, ладно.

Я присела в кресло, чтобы не смущать остальных, прикрыла глаза. Впрочем, в Университете ко мне относятся намного проще. Почти как ко всем остальным.

Странно, но это приятно.

* * *

Как много людей пришло на церемонию открытия выпускного праздника!

Конечно, студентов в Университете намного больше. Но привилегия посещать праздники появляется только с шестого курса. Остальным придётся довольствоваться либо пересказами,

либо просмотром записей – если будет, где смотреть. С ума сойти... восемь лет в школе, ещё восемь – в Университете... и не помню ни единого дня! Как такое может быть?

Я ощущала полнейшую беспомощность. Солнце освещало меня, тысячи людей смотрели на меня, позади воцарилась полная тишина. Листки лежат передо мной. Мне не придётся перелистывать их – есть для этого помощники. Мне нужно всего лишь прочесть всё, что там написано.

Ветерок коснулся моего лица, а я всё боялась начать. Горло пересохло.

Но стоило произнести первое слово и ощутить внимание слушателей, как оцепенение начало проходить. Должно быть, я выступаю не в первый раз.

* * *

Речь написана знатоком своего дела. Читается легко, и, содержание, в общем, предполагавшееся – о выдающемся вкладе графства и его достойных детей (основателя Университета, я надеюсь, тоже включили в число этих достойных) во всё на свете, о прогрессе и порядке, о новом и прекрасном, о древнем, но милом сердцу...

Я не сразу осознала, что последняя страница речи прочитана. Никто не торопился намекать мне, что роль моя сыграна. И люди внизу – они тоже ждали. Ждали чего-то ещё.

«Это» состояние – наподобие того, перед первым исцелением, у аптеки – пришло мгновенно и почти неощутимо. Уже сделал ко мне осторожный шаг улыбающийся Майстан, но...

– Сограждане, – произнесла я тихо. Мне показалось, что голос мой раскатился по-над площадью, словно раскат грома – хотя, конечно, этого быть не могло. Позади меня засуетились люди. Что-то там происходит не так, но силой выдворять меня ещё не нужно.

Внимание тех, кто слышал меня, кто смотрел на меня глазами и объективами камер, обволакивало; в нём ощущалось и тепло, и прохлада, и уколы, и жар – всё сразу.

– Сегодня я впервые увидела настоящий мир. Я не замечала его долгие годы, – продолжила я. Внимание усиливалось; воздух становился ощутимо плотнее, сердце билось так сильно, что я испугалась – какой меня увидят те, кто слышит мои слова?

– Мир, который изменился за одну ночь, – доносилась до меня собственная речь. – Мир, в котором многое изменится, но изменится так, что мы не пожалеем об этом.

Они были все – внимание. Невероятно, но я ощущала: они верят каждому моему слову. На чьё лицо ни падал бы мой взгляд, я видела – человек этот согласится с каждым моим утверждением.

– Я желаю нам всем, чтобы та мечта, ради которой мы живём, осуществилась, – слова возникали из ниоткуда; но сознание оставалось кристально чистым – это были всё-таки мои мысли, мои слова. – Я прошу вас запомнить этот день, что бы ни случилось впоследствии. Я говорю тем, у кого нет ещё мечты – прошу, прислушайтесь к себе. Вы просто не слышите её голоса. Но вы услышите его.

– Я рада оказанной мне чести, – я положила руки перед собой и люди внизу, все, шевельнулись, будто не желали, чтобы я уходила. – Мне будет недоставать этого дня, что бы ни случилось завтра.

И, поклонившись на три стороны света, я в который уже раз исполнила знак Всевидящего Ока.

И вот тогда начались аплодисменты.

Что-то тихо щёлкнуло, и я поняла причину суматохи у меня за спиной. Пока я говорила «от себя», микрофон не был включен.

* * *

– Изумительно, изумительно! – восклицал Майстан, вытирая слёзы. К своему собственному изумлению я понимала, что это всё на самом деле. Его действительно тронули мои слова.

– Май, ты прелесть! – меня обняли три совсем молоденькие студентки – вид у них был одновременно виноватый и сияющий. А мне хотелось провалиться под землю. От смущения – я не могла понять, за что мне всё это.

Руки вновь начали трястись.

Майстан заметил это первым.

– Бывает, тахе, – кивнул он. – Вы переволновались. Давайте, я провожу вас – может быть, желаете чего-нибудь выпить? Безобидного, – добавил он немедленно. Ну да, мне же не положено пить ничего крепче сока...

– С удовольствием, – кивнула я. И мы прошествовали с ним, важно и молча, мимо многих людей, каждый из которых улыбался. Нет... не пойму... такого не должно было быть. Ну да ладно. Будет, что вспомнить.

Буфет был почти пуст. Сегодня все будут в Больших Праздничных Залах. Единственный раз в году не будет ограничений на то, чтобы «лица противоположного пола участвовали в празднествах в помещениях, предназначенных иному полу». При таком количестве одновременно обедающих студентов – вовсе не архаичная мера предосторожности...

– Прошу извинить меня великодушно, – Майстан что-то сказал в телефонную трубку и тотчас же спрятал её в карман. – Сейчас вам всё предложат. Буду рад встретиться с вами сегодня вечером. Оставайтесь такой же прекрасной! – почти крикнул он, стремительно удаляясь по коридору. Бедолага. Столько дел.

Я оглянулась. И мужская, и женская половины пусты. За стойкой никого нет. Ну и ладно, торопиться мне некуда. Хотя нет, пить хочу – страшно.

Я уселась на табурет, некоторое время сидела, прислушиваясь к своим ощущениям. Было отчего-то очень хорошо – когда Хлыст «сделал признание», было так же приятно. А обязательный «довесок», когда, во избежание зависти Нижнего мира, положено выбрать ту, кому признаёшься, только усилил ощущение – не казался формальностью. Хлыст, увы, оба раза был искренен.

Сейчас было так же хорошо. Просто хорошо, и всё.

– Тахе-те? – произнесли учтиво, я подняла голову с локтей. Надо же, чуть не задремала.

Напротив, за стойкой, появился высокий парень в униформе – с короткой бородкой, аккуратно стриженный, по виду – уроженец Архипелага Ронно, владения Империи Роан. Правда, некоторое время архипелаг принадлежал Королевству Тегарт-паэр. Нынешнему Южному Союзу государств Шеам...

Я замерла. Я узнала его. Точнее, словно вспомнила после долгих-долгих лет забвения самого его вида и голоса. Он вырос... но те же пепельно-серые волосы, глубоко посаженные тёмно-зелёные глаза, точёные черты лица. Цветом кожи – словно тегарец. Каким ты стал красавцем! Что забыл ты здесь, в Тегароне?

Он вздрогнул, едва не упустил драгоценный хрустальный бокал. Поставил его на стойку.

– Тахе Майтенаринн, – обратился он учтиво и улыбнулся. – Приветствую, Светлая.

* * *

Я ничего не понимала. А когда начала понимать, чуть не расплакалась, тут же.

– Дени, – прошептала я. – Ты? Почему ты... здесь? Откуда?

Если бы он не поставил бокал на стойку, то на этот раз точно разбил бы его.

– Май? – спросил он неуверенно. – Что с... Вами?

– Дени, – повторила я. – Дайнакидо-Сайта эс Фаэр, ты меня не узнаёшь?

Он придвинулся вплотную к противоположной стороне стойки.

– Не узнаю, – повторил он, не улыбаясь. – Май... Королева... откуда ты?

«Откуда ты?»

– Если бы я знала, – слёзы пришлось сдерживать из последних сил. – Я ничего не помню. Я... сегодня я проснулась. Во всех смыслах. Я не знаю, сколько... спала.

Дверь в кладовую открылась, оттуда выпорхнула низенькая девица – кожа шоколадного цвета, чёрные волосы, большие тёмные глаза, тонкие губы. Круглое лицо. Тоже с юга, из владений Империи. Как и Дени, принадлежит к одному из Великих домов – судя по лицу, по одежде, по манере держаться. Вот это да! Здесь, в Тегароне, на краю света!

– Лас... – голос Дени неожиданно сел. – Ласточка, сделай, пожалуйста, нам чая. Только не очень крепкого.

Девица (студентка, неожиданно вспомнила я, где-то уже встречались) отчего-то с испугом глянула на меня, улыбнулась, коротко поклонилась и скрылась из глаз.

Дени смотрел на меня. Станным взглядом. Пока я пребывала в забытии, тело моё успело отреагировать.

– *Ma es matafann ka*, – прошептали мои губы.

– *Es foar tan es mare*, – отозвался Дени немедленно. На этот раз и у него в глазах что-то блеснуло. Я опустила голову; Дени не любит слёз. Точнее, не любит, когда другие видят его слёзы.

Я положила камушек-«конька» перед ним. Дени вздрогнул. Запустил в карман униформы правую руку. Пальцы плохо слушались его; видно было, что и его руки дрожат.

На стойку лёг ещё один «морской конёк». Почти такой же, как мой. Но с целым хвостиком.

Я прикоснулась к его талисману... забрала, ощущая, что поступаю правильно. Он забрал мой.

Мы подняли головы и встретились взглядами.

– Я уезжаю, – произнесла я и поразилась, как быстро и неожиданно приняла решение. – После праздников.

– Навсегда? – Дени казался спокойным.

– Да, Дени.

– Я ждал этих слов, – он улыбнулся и отвернулся. Я тоже отвернулась. Ненадолго. – Я с тобой, Королева? Я всё ещё нужен тебе?

– Да, Дени, – я сняла перчатку, но он покачал головой.

– Прошу, не сейчас. Лас... она совсем перепугается. Ты действительно ничего не помнишь?

Я отрицательно покачала головой.

– Я всё сделаю, Май. Я знал, что ты... вернёшься. Помнишь нас... нас, всех?

Я вновь покачала головой, ощущая, что мне становится по-настоящему страшно.

Дени оглянулся. Лас – Ласточка – уже несла поднос.

– Пусть она останется, – шепнул он. – Мы поговорим вечером, ладно?

Я кивнула. Мне вновь становилось хорошо. Но я всё не могла понять, отчего.

– Лас-Таэнин эс ан Вантар эр Рейстан, – едва слышно сообщил Дени, отстраняясь.

Он указал ей на ближайший столик на женской половине.

– Лас... – она вздрогнула и едва не уронила поднос. Да что же это? – Лас-Таэнин... я прошу выпить чая вместе с нами. Я так давно не видела Дени, – о Великая Мать, что я говорю? – Я не задержусь надолго.

– Хорошо, – неожиданно решительно отозвалась девушка. Волосы у неё действительно были расчёсаны на манер ласточкиного хвоста. Вместо шапочки, как у меня, Лас носила тонкую сеточку (поверх причёски) и вязанные, едва различимые перчатки до локтей. Интересно! – Спасибо, Светлая.

– Светлая, – эхом прозвучал Дени.

– Просто Май, пожалуйста, – попросила я. – Хочу, чтобы говорили с человеком, а не с талисманом.

Они оба рассмеялась, она – почти без боязни.

Чай мы пили молча. Как и положено.

* * *

– Дени, – позвала я его, когда почти совсем дошла до выхода. Он поднял взгляд. Я вернулась к стойке. – Слушай... «шипучки» у тебя нет? Или я отстала от времени, и такую гадость уже не пьют?

Он рассмеялся.

– Пьют-пьют, – подозвал Ласточку, что-то шепнул ей. Так кивнула и исчезла в кладовке. – Что... давно не пила?

– Ты же знаешь тётушку. Девушке благородного происхождения...

Мы рассмеялись оба. Лас уже несла поднос, на нём – шесть пакетиков. Всё ещё есть, удивилась я. Кто бы мог подумать...

– Она тоже сладкоежка. И страшно любит «шипучку», – сообщил Дени, когда Лас вновь оставила нас вдвоём. – Наверное, сильнее тебя. Предки ей не позволяют пить даже по праздникам. Представляешь?

– Вполне. До вечера, Дени... Я забегу перед началом, хорошо?

– Буду ждать, – кивнул он. И мы распрощались.

* * *

Лас-Таэнин промчалась мимо меня, с коробками в руках. Ах, ну да, готовят застолье – это ж как надо вооружиться. Стойте... Хлыст упомянул «первый день». Что, в этот раз Выпуск длится дольше одного дня?

Однако.

Пока я размышляла надо всем этим, на горизонте показалась Лас, бегущая назад, в буфет.

– Лас... – неуверенно обратилась я, отчасти ожидая, что она только прибавит скорости.

Она остановилась, улыбнулась, вытерла руки (в каком-то белом порошке... сахарная пудра?)

– Возьми, – протянула я ей три пакетика. Она тут же смутилась. Вероятно, даже покраснела... тёмная кожа вполне могла это скрыть. Но обоняние не обманешь.

– Нет... я не...

– Ты же любишь, я знаю, – она протянула руку неуверенно, словно ожидая, что я отдерну свою и покажу ей язык. – Я тоже люблю. Пожалуйста.

– Я знаю, – ответила она, уже уверенно и немного иронично. – Спасибо!

И всё. Надо удивляться, как пол не загорается под её ногами – носиться с такой скоростью.

А когда я пришла к себе, то, признаться, засунула пакетики в шкафчик со всякой такой мелочью и думать о них забыла. Потому что из-под кровати выглядывал кончик провода от мины-сюрприза.

Так.

Судя по звукам, стирка закончена. Если я правильно помню, там ещё захода на три. Как раз к восьми вечера успею. Заодно примету исполню: покончить с пылью и грязью, потому что убираться во время праздников можно только в крайнем случае.

Как непривычно было пользоваться пылесосом! Даже таким, который, кажется, сам во всём разбирается, а человека терпит единственно из вежливости.

7. И очень опасна

Я переоделась в халат и почувствовала себя намного привычнее. Три с чем-то часа до начала. До Начала. Жаль, не спросила, сколько же дней в этом году будем гудеть.

Свёрток представлял собой эластичную пластиковую коробку, небрежно завернутую в старое покрывало. Я долго прислушивалась к содержимому свёртка, долго рассматривала его. Пока не поняла, что поступаю не очень логично – уходя, я пинком отправила его под кровать. Эх, Май, что с тебя взять...

Обёртка оказалась на редкость прочной. И содержимое не угадывалось вовсе. Наконец, пожалев ногти, я взялась за ножницы.

И едва не сломала их. Надо же, пластик, а прочен, как сталь! Шила у меня нет, а заколкой от волос и бумагу-то не проткнуть. Чем я только не пыталась проколоть хотя бы одну дырочку. Разрезала ножиком для бумаги – «рана» затягивалась прежде, чем я успевала потянуть за края разреза. Что за фокусы!

Неожиданно пакет сам собой развернулся, и его содержимое вывалилось на пол. Едва успела отдернуть ногу.

Обёртка превратилась в квадратный кусок бархатистого мягкого пластика. Два красных прямоугольника вытиснено у противоположных уголков. Да, были красные пометки на противоположных торцах, когда я встряхнула пакет в очередной раз. Потом разберёмся.

Когда я увидела, что лежит у моих ног, я долго не верила своим глазам. Потом присела и осторожно потрогала пальцем. Не пошевелился.

«Скат-Т4».

Не так давно его сородич смотрел мне в лицо и решал, должна ли я жить.

Вокруг валялись коробки – вероятно, с патронами – и четыре полностью заряженных обоймы. Две обоймы – с жёлтыми патронами, две – с тёмно-вишнёвыми. Всё казалось игрушечным, ненастоящим, лёгким. И на вид, и на ощупь.

* * *

На пол также вывалились сложной конструкции ремень, кобура и... книжечка. Я подняла книжечку и расхохоталась. Как любезно со стороны оставившего «клад»! Инструкция по эксплуатации.

Может, там ещё и гарантийный талон отыщется? Адрес ремонтной мастерской? Проспект «покупайте только наше оружие!»?

Нет, конечно. Но инструкция была. Похоже, сделана из того же пластика, что и сама собой развернувшаяся обёртка. Я задёрнула шторы (до заката ещё далеко, но только теперь я вспомнила об осторожности), включила настольную лампу и осторожно, двумя пальцами положила «Скат» на крышку стола. Ремень и кобуру – рядом.

Села и увлеклась всерьёз чтением инструкции.

* * *

Ну и техника! «Скат» оказался устройством посложнее телефона (забавно, не правда ли – носить с собой телефон и не знать, можно ли им пользоваться, как вздумается).

«Скат-Т4». Стреляет снарядами (слово из инструкции, не моя фантазия) двух типов. Да, действительно, два гнезда под обоймы – термические и реактивные пули... снаряды. Что-то невероятно страшное по поводу удобства и надёжности. Может фиксировать отпечатки паль-

цев и сигнальный спектр. Может управляться голосом (я содрогнулась, представив себе ползающий, летающий и стреляющий пистолет – но нет, не настолько всё ужасно). Импульсная оборонительная подсветка – не менее тридцати секунд в непрерывном режиме. Это что же – сбивать встречные пули? Кошмар... И много чего ещё.

Я рискнула пройти «необходимый тренинг» только с третьего раза. Поставила очередную порцию стирки. Выпила газированной воды. Послушала по телевизору восторженно-ликующие программы новостей относительно сегодняшнего Выпуска (увидела саму себя и выключила). Затем глянула на часы – половина шестого! – и вернулась к «Скату».

Взять в руку. Движением другой руки... ага, вот так... выщелкнуть обе обоймы (пусты, как и обещано). Нажатием на управляющие сенсоры набрать код включения.

«Скат» стал теплее на ощупь, а сенсоры слабо засветились.

«Выберите способ опознавания: код сенсора, код голоса или сигнальный спектр».

Конечно, сигнальный спектр. Не было ещё двух людей с одним и тем же сигнальным секретом. Снимаем перчатку... Вот, считай и запомни. Неудобство в том, получается, что для стрельбы придётся снимать перчатки?

Нет, не придётся. Ну и чувствительность! Перчатки и шапочка должны ослаблять мои... сигналы до безопасного – в смысле воздействия на психику – уровня, минимум в пять-шесть тысяч раз. Перчатки мои – не просто ткань, они тоже сложнее иного аппарата будут. А «Скат», выходит, и в перчатках меня «унюхает».

«Укажите, какие действия разрешены при отсутствии опознавания». А никаких.

«Укажите способ разблокировки». Вот это я ещё подумаю. Пока что оставляю всё тот же сенсорный код.

Половину следующего часа я развлекалась учебными стрельбами.

* * *

Конечно, ни в какой тир я не пошла. За незаконное хранение оружия большинство граждан графства могут поплатиться пятью годами (или более) каторжных работ. За использование, не влекущее человеческих жертв – что-то похуже (правда, ещё не яма с собаками). В общем, сурово. С другой стороны, получить разрешение на мелкокалиберный пистолет или гладкоствольное ружьё не так уж и сложно. Но кто выдаст разрешение вот на такое? Я уж не знаю, против чего может потребоваться подобное оружие.

Я не нашла ни единого намёка на то, где его изготавливают. Знаю, что не в графстве – отсталая мы страна, что уж скрывать очевидное. Если бы не наш кофе и не наш виноград, и не наши овцы...

Учебная стрельба была простой и красивой. «Скат», не знаю уж как, запускал крохотные светящиеся шарики – похоже, из чистого света – и они, попав в цель, медленно угасали. Я даже принялась к одной такой «пуле» – никакого запаха!

Кто тебе оставил это, Май? Зачем оставил? Подумать только – «Утренняя Звезда, Вооружённая И Особо Опасная». Нет, но на самом деле...

Ну и, конечно, мимикрия. И сам пистолет, и кобура (ремень, кстати, очень удобный – и почему для обычной одежды таких не шьют?) могли становиться неразличимыми. Сливались с окружающими предметами. Так, что только я (хочется верить) буду видеть его сразу же. И запах. Не пристаёт к нему запахи, и это чудесно. Отпечатки пальцев тоже не пристаёт.

Ну ладно. Я положила кобуру с ремнём (пистолет в кобуре) на стол и в очередной раз повеселилась, глядя, как они уходят «в невидимость».

Десять минут, не меньше, я не решалась вставить полные обоймы. Они оказались на удивление лёгкими (а ведь в каждой по шестнадцать патронов) и такими же, как сам пистолет – как будто жирными на ощупь, но совсем не скользкими.

Рискнула.

Выбрать тип стрельбы. Учебные «пули», термический заряд, реактивный снаряд. Термический.

Теперь при нажатии на спусковую скобу в стене напротив появится прожжённая дыра диаметром метра полтора. Если выставить максимальный – объёмный – режим поражения. Выставлю-ка я минимальный, точечный.

Я долго думала, прежде чем поставила пистолет на предохранитель и убрала в кобуру. Из которой он «прыгает» в руку просто при прикосновении... Когда не «спит».

Подошла к зеркалу. У меня они не латунные, да ещё с приятными удобствами. Можно, скажем, увеличивать части отражения. Женщине надо следить за своим лицом... И не только. Хороша.

Майтенаринн, разбойница с большой дороги. Погладила ремень, как велено в инструкции... Слилсь, смешался с тканью халата. И не увидеть.

Зачем тебе это, Май? Выбрось, пока не поздно. Вон, в мусоропровод. Пусть серьёзные люди из охраны гадают, какие такие заговорщики так небрежно распоряжаются оружием.

И тут меня позвали к терминалу связи.

* * *

– Что это с тобой, Май? – полюбопытствовал Хлыст. Только нажав на картинку «ответ», я вспомнила, что не сняла ремень и кобуру.

Правда, те должны быть «невидимыми». Главное – не поворачиваться, тогда точно не заметит.

– К празднику готовлюсь, – ответствовала я, изо всех сил пытаюсь изобразить страшную занятость.

Саванти понимающе покивал головой.

– Есть предложение, Королева, – он откашлялся. – Беги ко мне в логово, ещё раз в «пасть» залезешь. Только на этот раз возьми перчатки.

Вот какой заботливый!

– Какой заботливый! – подняла я брови. – Я что, так плохо выгляжу? Или про клизму вспомнил?

– Май, – Хлыст нахмурился. – Мы с тобой позже поругаемся, ладно? Это ненадолго. Жду. Я чуть не плюнула от злости.

* * *

Бежать я не стала, обычным шагом добралась за пятнадцать минут. Оделась повседневно. Интересно, когда мне съезжать? По традиции, комнаты остаются за студентами до окончания каникул. Да и потом можно жить – правда, цены за услуги совсем другие. Много ли тут постояльцев? Жилые здания колоссальны. Я даже представить не могу, сколько здесь можно поселить людей. Уж во всяком случае – больше двенадцати сотен студентов.

Охрана приветствовала меня настолько почтительно, что начинала раздражать. Правда, охраны и попалось-то всего пять человек. Переходы не были освещены – горел пунктир посередине, дежурное освещение. Признаюсь, идти мимо некоторых комнат было страшновато.

Саванти встретил меня в пультовой. Вместе с неизвестной мне дамой – та была стройна, темноволоса; рядом с Хлыстом казалась почти чёрной. Выше меня – а во мне, кстати, сто восемьдесят! В остальном – чистокровная тегарка. Красивая. Если и старше меня, то ненамного.

– Позвольте представить вас, – Саванти коротко поклонился мне, затем – своей спутнице. – Майтенаринн Левватен эс Тонгвер эс ан Тегарон. Реа-Тарин Левватен эс Метуар эс ан Тегарон.

Вот спасибо, Хлыст.

Крепость Левватен действительно некоторое время – два или три поколения – принадлежала роду Метуар. После чего (около века назад) была возвращена нам, исконным владельцам. Война была нешуточной. По размаху – не меньшей, чем последняя Гражданская.

Реа-Тарин повернулась ко мне лицом и чуть-чуть приподняла верхнюю губу. Клыки у неё просто ослепительны. Глаза – светло-жёлтые, с оранжевой каймой. Очень редкие глаза. Рядом с ней я – пугало.

Только сейчас обратила внимание, что и волосы, и часть шеи Реа-Тарин выкрашены так, что владелица их напоминает тигра. Тигрицу. Новая мода?

– Рада приветствовать, Светлая, – улыбнулась она. Коренная, абсолютно чистая тегарка. Как и я. Голос высокий, ясный, все тона выпевает изящно. Как и я...

– Я полагаю, дамы, что территориальные споры мы сейчас оставим в стороне и перейдём к делу, – Хлыст спокойно сидел прямо на пульте. А я помню, как он гонял ассистентов за то, что те чересчур сильно нажимают на сенсоры...

– Она меня действительно не помнит, – заметила тегарка. – С меня полтора ящика, Саванти.

– Два.

– Вот ещё! – возмутилась Реа-Тарин и повернулась к пульту так резко, что хлестнула себя косою по шее. Словно хвостом по бокам. – Договаривались о полутора.

– Прошу прощения, – решила я вмешаться. – Не будет ли кто-нибудь так любезен объяснить мне, зачем я здесь?

– Да, Светлая, – кивнул Хлыст равнодушно. – Видишь ли, кто-то уже успел поделиться знаниями о твоём печальном состоянии сегодня, около одиннадцати часов. Наши власти журналистов не особенно жалуют – как и я. Но если эту кишечную фауну не накормить чем-нибудь, они испортят нам весь праздник.

– Кто? – поджала я губы. – Кто успел «поделиться»? Три этих... Твои «верные слуги»?

– Верные слуги, – повторила Реа-Тарин. – Вот как.

– Реа, – Саванти «помахал перед носом» стёклами очков. – Сегодня вечером я буду подан вам обеим. Сможете съесть – ешьте. Я не знаю, кто сообщил, Светлая. Со временем – узнаю. Пока же меня очень вежливо попросили уговорить Вас, Майтенаринн Левватен эс Тонгвер эс ан Тегарон, пройти процедуру диагностики Вашего здоровья. Ключ секретности – высший. Оригинал – только Её Светлости. Лично. Копий для архива не делать. Поэтому здесь Вы видите только начальство медицинского центра. Думаю, могу уже похвастаться, что...

– Началось, – проворчала Реа-Тарин.

– ...что три дня спустя становлюсь главным врачом, директором центра, распорядителем... – Саванти заглянул в бумаги, – ну и так далее, тут много пунктов. Понятно. Реа-Тарин становится моим заместителем. Обследование проведём мы, лично.

– Как это мило, – заметила я со злостью. – Сдать все анализы, «вымыть ушки» и прочее? Сорок минут надо мной издеваться?

– Всего полчаса, – заметил Хлыст, отрываясь от пульта. Тот сам собой включился, но мне уже не было смешно. – И не только ушки, Май. Все три «пояса», м-м-м... репродуктивные органы и так далее. Если тебе интересно – могу объяснить подробнее.

– Давай, – согласилась я, начиная разоблачаться. – Будешь объяснять по ходу процесса. Я пока ещё плохо разбираюсь в физиологии. А ты прекрасный лектор. Не уложимся с объяснениями в полчаса – сколько Вы ему должны, Реа? Полтора ящика?

– Два, – хищно улыбнулась «тигрица».

– ...отдашь три.

Саванти застонал.

– Время пошло, – добавила я безжалостно.

– Прошу! – Саванти сделал величественный жест, и мы вошли в «пыточную» – кабинет предварительного анализа. – Итак, какие цели преследует анализ крови? Кровь, как известно...

Не думаю, что следует описывать всю процедуру. Все её проходят, самое меньшее три раза за жизнь. Было мерзко. Правда, иногда смешно. И я узнала много не очень приятного о том, что у меня внутри.

И ещё у меня зрело неявное ощущение, что не одному Саванти от меня досталось когда-то. Но я не помню ничего, ничего!

8. Окончательная блокада

В буфет я спустилась секунд на тридцать позже обещанного. Не так плохо. Идти пришлось по тому же тусклому «пунктиру». Неудобно. Звуки и запахи, приносимые из Залов, будоражили. Скорее всего потому, что я не сразу пришла в себя после медосмотра. Да и аппетит после таких процедур всякий раз волчий.

Не заперто. Из кладовки просачивается слабый свет. И никого.

– Дени?

Нет его. Ушёл давно, если верить обонянию. Чем-то расстроенный.

– Лас-Таэнин?

Нет её. Ушла совсем недавно. Умчалась. Чем-то возбуждённая. Рада, наверное, что можно, наконец, отдохнуть. Тех, кто прислуживает, выбирают жеребьёвкой. Скрестим запоздало пальцы, чтобы невесёлый жребий не достался Лас.

Я уселась на ближайшем к стойке, полукруглом диване. Мурлыкали кондиционеры. Музыка ещё не слышно.

Где ты теперь дядя? Как давно мы с тобой встретились, почти сутки назад. Я уже скучаю. Но скучать мне придётся очень, очень долго. Я ведь не всерьёз ещё поверила, что потеряю всё – кроме двух людей; того, который воспитал меня и того, которого я не позволила проглотить морю. Долг жизни. Долг смерти.

Как здесь спокойно.

Чьи-то ладони легли мне на голову.

– Перестань, Дени, – попросила я. Тихо.

Он улыбнулся и одним прыжком оказался у моих ног. Умеет ходить бесшумно. Ничего не изменилось...

– Тоже «недотрога», – усмехнулся он. – Не беспокойся, Май, я помню.

– А я – нет.

Он вопросительно взглянул мне в лицо.

– Я объясню тебе. По пути, – добавила я.

– Сегодня я должен буду уехать. Ненадолго. Встретиться... со своими знакомыми. Думаю, ты догадываешься, зачем.

– Думаю, да.

Он положил голову мне на колени. Я сняла перчатку, прикоснулась ладонью к его щеке. Мне было невесело. Думаю, он это почувствовал.

– Ты знаешь, чего я всегда хотел?

– Да. Прикоснуться ко мне. Обнять. Я... не позволяла. Не знаю, почему.

– Ты помнишь... правила? Запреты? Хоть что-нибудь?

– Нет.

Он промолчал, стоя передо мной на колене. Что-то... что-то приходит ко мне. «Зрение»... оно что-то заметило. Сейчас...

О Всевидящая... Дени... ты бросил всё, рискуя навлечь немилость Её Величества на всю свою семью. Ты отправился искать меня... а нашёл мерзкую, злобную тварь... Она... я... делала всё, чтобы известить тебя. Но ты остался. Ты оплакивал меня, каждый вечер. И я вернулась.

– Дени... я отпущу тебя. Прошу, возвращайся. Я не стою таких неприятностей.

– Нет, Королева, – покачал он головой. – Мы вместе – навсегда. Ты вспомнишь, ты всё поймёшь.

– Завтра – бал. Разреши мне... Один танец, только один.

– Да, Королева, – он улыбнулся. – Сочту за честь.

Я закрыла глаза, кивнула.

Он затаил дыхание.

– Дени?

Молчание.

Я открыла глаза. Дени не было. Свет был выключен – повсюду. Здесь, в буфете, не работал даже пунктир. Медленно и осторожно я пробиралась к выходу – в надежде, что дверь не заперта.

Она была не заперта.

* * *

Мне показалось, что встреча с Дени мне просто приснилась.

Настолько отличался гул и круговорот начавшегося Выпуска от спокойного мрака, где мы вспоминали самих себя. Я успела изгнать со своего лица последнюю улыбку из тех, что должен видеть только Дени. Сегодня я – просто студентка. Недавно получившая диплом с отличием. И, будь оно всё неладно, я повеселюсь, как следует.

Оделась я настолько типично и неприметно, что застала Майстана врасплох. Народ разрядился так, что я со своей диадемой никак не выделялась.

Тут же объявились представители «кишечной фауны», но мне не составило труда вытерпеть их сверкающее стеклянное внимание. Просто вспоминала время от времени недавние слова Хлыста.

– Тахе Майтенаринн! Была ли ваша встреча с послем Федерации Никкамо случайной?

– Нет, конечно. Мы часто заходим на рынок вместе, посплетничать.

Смех. Корреспондент ретируется. Надо же, какой нервный.

– Прошу вас, Светлая, ответьте – кто подстроил этот трюк с исцелением?

– Наверняка не тот, кто нанял вас, таха. Иначе бы предупредили меня, чтобы играла получше.

И ещё, и ещё. Смутить меня трудно, а обучение со сверстниками в демократической обстановке Университета вынуждает отрастить змеиные зубы и кожу бегемота.

– Ловко, – похвалил меня Майстан. – Вас не узнать сегодня, тахе. Вы так хорошо выглядите... простите, я повторяюсь.

– Таха-тия Майстан, – я остановилась. – Я хотела бы извиниться.

Его словно ударило током. Он даже оглянулся... нет, никто нас не слушал, «пресс-конференция» уже окончилась.

– Извиниться? – воскликнул он. – Но за что?

– За то, какой беспокойной гостьей я была.

Он рассмеялся.

– Ох, что вы. К тому же, мне казалось, что вы хотели продолжить работу в Университете.

Три кафедры предлагают вам стажировку... или четыре?

Я смутилась.

– Спасибо, тахе, – Майстан поклонился. – Удивительный день. Удивительный Выпуск. Я запомню его надолго.

И я пошла... куда глаза глядят. Раз или два я видела Ласточку. Черноглазая вихрем металась по залу, её наперебой приглашали за разные столики – надо же, а прозвище – Недотрога!

Интересно, ножны у неё на поясе – для виду, или там что-то есть?

Дени не было видно. Ну да, разумеется. Не забыть зайти к нему утром. Непонятная игра затянулась. Интересно, что это за «правила», запреты? Не помню.

Прости, Дени.

Я скажу тебе эти слова. Когда мы увидим маяк.

* * *

Я не успела устать – только говорила, отвечала кивком на улыбки и приветственные жесты. Но ходить надоело. Вот бы посидеть где-нибудь... Счастливики успели занять кабинеты – их было всего двенадцать, по шесть на каждой стороне. Вот уж где можно гудеть в приятной домашней обстановке. Там даже телевизоры есть...

Ладно, погуляю. Я столько всего забыла – надо бы поворачаться среди своих. Никто не спешит склонять моё имя каждые пять минут, а это приятно.

И тут я услышала голос Саванти. Точно, Хлыст! Чуть-чуть «смазавший горло», как он сам выражается. Ну-ка, ну-ка...

Я осторожно глянула за занавески.

– ...кроме медиков, – окончил Саванти. – Итак, за нас, за клуб циников!

Я вошла, когда компания заканчивала пить тост.

– Чтоб мне лопнуть, – произнёс Саванти, – сама Королева! Прошу Вас, тахе Майтенаринн!

Сидящие вокруг стола встали так стремительно, что двое или трое едва не упали на пол, вместе со стульями.

Кабинеты рассчитаны на двенадцать человек. Здесь же было восемь – Саванти, пять смутно знакомых мне студентов, студентка и... Реа-Тарин.

Последняя довольно скалилась. Теперь она целиком была одета в полосатое платье – настоящая тигрица. Ею и пыталась казаться. Не хватает лишь хвоста.

Саванти глубоко поклонился и... церемонно встал на одно колено. Реа-Тарин, ставшая серьёзной – тоже. Студенты, бедные, чуть не сгорели от смущения – их церемониалу никто не учил. Просто стояли – руки по швам.

– Вольно, – произнесла я интонацией и голосом старейшего из военных наставников Университета. – Приказ был – как следует напиться. Выполнять.

Увидела шесть пар широко раскрытых глаз. Потом... Саванти поднялся и рассмеялся.

– Да, коллеги, – он откашлялся. – Это историческая встреча. Поверьте мне на слово. Тигра...

Реа-Тарин поднялась на ноги. Да. Вновь прибывшего всегда отправляют за выпивкой. Конечно, тут от недостатка напитков не страдают, – наверняка в углу стоят те самые три ящика. Или нет, два – Саванти ведь блестяще уложился в двадцать семь минут десять секунд. Правда, он горячо убеждал нас, что не десять, а пять.

– Разрешите помочь, Светлая?

Я приняла протянутую руку. Шелест перчатки о перчатку.

– Сочту за честь, тахе-те Реа-Тарин.

* * *

Реа-Тарин указала в сторону дальнего бара. Долго выбирала бутылки, – знает, вероятно, что Светлой пить если и разрешено, то совсем немного. Ну что же, таких, как я, здесь хватает. Мало пьющих. Да и традиции графства поощряют возлияния только в случае больших праздников. Немного осталось таких праздников, совсем немного.

– Вы действительно меня не помните? – поинтересовалась Реа, пока бармен подбирал для нас подходящую коллекцию.

– Честно говоря, не помню.

– Мне приятно будет признаться ещё раз, Светлая, – кончики верхних клыков не закрылись губами. Вид был страшноватый. – Я – приёмная дочь баронессы. Не все обязательства семьи распространяются на меня.

– Благодарю, тахе-те Реа-Тарин.

– Жаль, что мы встретились повторно при таких обстоятельствах. У вас прекрасная выдержка.

– У меня было время потренироваться утром.

Она рассмеялась. Низким, «медовым» голосом. Метуар. Приёмная дочь? Да ладно, какая разница!

Я припоминала, что знаю о ней. Почти ничего. Три года назад её с треском выгнали из медицинского центра, она нашла работу на военной кафедре. И вот теперь Хлыст вернул ей место.

– Простите мне мой вопрос, – я опустила взгляд. – Мне кажется, что я сделала вам... что-то очень неприятное. Давно.

Она долго не отвечала.

– Говорят, что от Светлой лучше не пытаться скрыть всей правды, – произнесла она тихо, глядя в сторону суеящегося бармена.

Я молча сняла с себя диадему Утренней Звезды и положила на стойку.

– Тахе-те Майтенаринн, – во взгляде Реа не было никакой усмешки, как и в интонации. – Я думаю, что не обязана отчитываться перед вами о своих взаимоотношениях с мало знакомым вам человеком.

Так мне и надо.

Я надела диадему и, встав, склонила голову. Реа коснулась моей руки – извинения приняты.

Тут, наконец, нам всё собрали. К немалому моему облегчению.

Реа указала направление, официант с подносом последовал за нами. Мы шли, улыбаясь, каждая – по своему поводу, и были очень горды собой.

Все взгляды обращались в нашу сторону. Пусть и ненадолго.

* * *

– Коллеги, – Саванти явно был в ударе. – Оглянитесь вокруг. Люди мечтают о возвышенном, предаются простым и неизменным радостям, ищут себе место в жизни. Но сознают ли они, что не в состоянии подняться над этим миром, обзреть его изменчивость и несовершенство?

Он оглядел аудиторию. Все были серьёзны. Кроме меня.

– Зря улыбаешься, Май. Подумай, почему ты не смогла подолгу задержаться у остальных столиков? Да потому, что ты не стараешься принять их общество. Ты – вне всякого общества, как и здесь присутствующие. Большинство людей с радостью принимают те законы, которые им навязут. Я рад принадлежать к меньшинству. Выпьем за меньшинство!

Выпили за меньшинство. Реа-Тарин явно скучала. Саванти, гордый принадлежностью к избранным, критически осматривал яблоко, которым только что хотел закусить.

– Тахе, – осмелилась, наконец, студентка.

– Можно просто Май.

– Нет, я... – Саванти смотрел на неё иронически. – С-с-спасибо. Май. Скажите... эти исцеления... сегодня утром...

Я пожала плечами.

– Да, кстати, – Хлыст приподнял едва различимые брови. – Тебя просили появиться у нас, в лаборатории. Ну эти... гомеопаты, массажисты...

– Прочие шарлатаны, – закончила я. – Давай-давай. Рыбак рыбака...

Саванти скривился.

– Я признаю только факты, – заявил он, оглядывая присутствующих. Налито было не у всех, один из студентов принялся исправлять упущение.

– Два случая на рынке, – продолжал Хлыст. – Тот, который с раком лёгких – излечен. Факт. Насчёт посла... гм... до меня дошли только слухи. Тоже излечена. Разом от всех мелких болячек. Ещё один факт. Такое бывало и раньше, само по себе чудом не является. Вопрос – как это случилось?

– Могу рассказать, – предложила я.

– Я и сам знаю. Неконтактная стимуляция «петли» среднего пояса. Трудно представить, как это могло получиться у дилетанта... извини, Май... но вполне возможно.

– Девочка у аптеки? – напомнила студентка.

– Да, тут не вполне понятно, – кивнул Саванти. – Однако девочка не проходила диагностики. Мы даже не знаем, была ли она на самом деле слепа.

– Продолжай, – предложила я.

– Факты на этом кончаются, – заключил Саванти.

– Да ну?

Мы долго смотрели друг другу в глаза.

– Факты кончаются, – кашлянул Саванти. – Мой проклятый ларингит...

– Ринит и гастрит, – закончила я. – Интересно, почему все терапевты, до единого, простужены?

Саванти посмотрел на меня уничтожающе.

– Всё из-за вас, прекрасные вы мои. Вам-то просто... а нам, несчастным и слабым представителям другого пола... Да-да, не смейся. Самое простое – температурная блокада дыхательных путей. По простому – заморозка. Быстро и эффективно.

– Ты просто не хочешь лечиться, – заметила Реа. – Сам же говорил – у насморка есть преимущества.

– Смысл лечиться? – воинственно осведомился Хлыст. – Это уже не лечится. Пройдётся по сквозняку – и всё возвращается.

– Интересно, – я подняла бокал, все присоединились. – За мучеников-терапевтов! Как же ты терпишь? Тайком сменил пол?

Саванти вновь поднялся.

– Это тема моей диссертации, – объявил он. – Блокада Маэр-Тиро эс Гатто – звучит? Эффективно и просто. Ясная голова в любом состоянии, в любом обществе. Не всё же мне возиться с укушенными и заглаженными.

* * *

Реа оживилась.

– Что значит – блокада? Ты треплешься о ней уже три года. Всякий раз у тебя «немного не работает». Что – заработало?

Саванти приосанился.

– Да. Никакой чувствительности. Полный иммунитет ко всем модификаторам, обоюго пола. Чистый и холодный рассудок...

– ...и словесный понос в придачу? – предположила я. Реа захохотала; студенты, один за другим, присоединились.

– Ничего-ничего. – Хлыст снисходительно оглядел нас и шмыгнул. – После клинических испытаний увидим, кто посмеётся последним.

Реа неожиданно оказалась у него за спиной.

Неторопливо сняла перчатки. Студенты отпрянули – явно не ожидали такого от преподавателей.

– Сейчас тебе будут клинические испытания, – пообещала она. – Загадай желание, пока не поздно...

Её руки медленно опустились на голову Саванти. Хлыст перестал улыбаться, замер неподвижно. Реа сдвинула пальцы, продвигая их за уши Хлыста... Ну и выдержка у студентов!

Все затаили дыхание.

Хлыст так и сохранял каменное спокойствие.

– Надо же, – Реа провела ладонями по его шее. – Ну, ничего... не может не быть слабых мест... Сейчас отыщем, сейчас...

Хлыст оставался неподвижным и спокойным. Как древняя гора. Как безбрежный океан в ясную погоду.

– Ф-ф-фу, – Реа выпрямилась. – Вот доска! Неужели действительно получилось?

Хлыст хихикнул. Все вздрогнули.

– Я полагаю, мы пока остановимся? – поинтересовался он. Я заметила, что опьяневшим он уже не кажется. Интересно... доска доской, но... – До следующего пояса доходить не будем?

И тут это вновь случилось. Я... посмотрела на Хлыста... что-то увидела... трудно описать это словами.

Хлыст задержал дыхание.

Повернул голову в мою сторону.

– Что такое, Май? Хочешь вылечить это? – он улыбнулся так издевательски, что продолжавшие молчать студенты невольно отодвинулись от стола. Реа нервно массировала кисти, переводя взгляд с Хлыста на меня и обратно.

Я продолжала глядеть. Только глядеть. Вокруг Хлыста колебалось видимое только мне облачко... да, горело красным его горло, то место, где все прочие видели его знаменитый нос... Красное сияние слабело... слабело...

Саванти вскочил. Так стремительно, что едва не упал. Запрокинул голову, рукой начал шарить в кармане халата.

– Броклядь, – выговорил он, отыскав, наконец, платок. – Дедоработка... М-м-м...

Отнял платок от носа. Тот был в крови.

– Ужас, – сообщил Хлыст, слегка покачиваясь. – Что ты сделала, Май? Голова звенит, как колокол.

Глаза Реа загорелись.

Она стала подкрадываться к Хлысту. Тот поймал её за локоть, вынудил сесть. Она пыталась вырваться – больше для виду; если бы захотела – вырвалась.

– Что за... – Саванти продолжал прижимать платок к носу. – У меня обход через минуту, слышишь?

Реа не унималась, смеясь. Встретилась со мной взглядом. Поймав её взгляд, я подмигнула.

– Да оттащите же кто-нибудь эту кошку! – Хлыст обвёл студентов страдальческим взглядом. – Кто заглядит её хотя бы на полчаса, тому две дополнительных недели отпуска. Я скоро буду.

Все оживились. Реа – тоже. Усмехаясь, она отпустила Саванти и... неторопливо, лениво натянула одну перчатку за другой.

– Меня? На полчаса? Есть желающие?

Если предлагают...

Оживились все, кроме меня. Нет у меня настроения «ушки чесать». Тем более, Реа-Тарин – мастер спорта по двум видам единоборств. Не зря же она надела перчатки. Дескать, вот вам фора, да ещё какая...

– Ну, котики, кошечки? – Тигрица обвела всех взглядом. – Кто первый?

– Так, – я поднялась. – Я покину вас. Ненадолго.

Реа-Тарин засмеялась.

– Смущаешься, Май? Брось, это же игра...

– Я быстро, – пообещала я. Дойду до апартаментов, выпью минералки. Не пошло мне это вино. Нет привычки, точно.

Позади меня послышался взрыв смеха.

Одним желающим меньше. Одно утешение – спит сейчас и видит прекрасный, хоть и короткий, сон.

9. Очень скорая помощь

Решила подняться по лестнице, не на лифте. Чтобы побыстрее выветрились винные пары. Что-то смущает меня. Майстен передал – звонили в Университет, спрашивали меня. Кто? Я помнила, но забыла. Нехорошо. Сняла телефон, глянула – нет пропущенных звонков. И на том спасибо.

Пунктир уже не казался пугающим. Ковровые дорожки – хорошая имитация меха, не очень глубокие, надёжно гасят звук шагов. Всюду тихо, горят огоньки сигнальных устройств, изредка попадаются терминалы связи. Все пустые, все выключены.

Раньше я не любила ходить по тёмным коридорам. С сегодняшнего утра – полюбила. Великое Море, сколько событий успело произойти! Я попыталась вспомнить все, начиная с похода в аптеку.

Что я должна была купить в аптеке? И зачем? Не помню. Неприятно.

... Шагов за тридцать до своей двери я остановилась. Почудилось? Нет, и звуки и... запах. Неприятный. Характерный. Сопровождающий некоторые типичные последствия неумеренных возлияний. Причём, похоже, поблизости от входа в апартаменты.

Я начала злиться. И непременно возле моей двери! Право, от таких «знаков внимания» я бы с удовольствием отказалась.

Тихий скрежет и тяжёлое дыхание. Точно. Кто-то пьяный, или притворяющийся пьяным. Я пошла осторожнее, глядя себе под ноги. То, на что не следовало наступать, обнаружилось шагах в десяти от двери.

Кто-то, склонившись над дверью, пытался попасть ключом в замочную скважину. Без особого успеха. Я оглянулась, высматривая ближайший сигнал вызова охраны. Ну ладно, в случае чего – пробегусь. Может, конечно, это – розыгрыш, но такую смесь запахов трудно подделывать.

Готовая, в случае необходимости, немедленно броситься прочь, я приблизилась к неизвестному и тронула за плечо.

– Что за...

Человек вздрогнул и застонал. Я едва не потеряла дар речи.

Ласточка!

Провела рукой над сенсором. Тот опознал меня, включил входное освещение.

Лас-Таэнин была даже не горячей – раскалённой. Губы сухие, чуть потрескавшиеся. Глаза мутные, но спиртным от неё не пахнет. Вот так дела.

– Лас... – я потрясла её. – Лас, что с тобой?

– Мне... – она попыталась что-то сказать, но не смогла. Закрыла глаза, потеряла равновесие.

– Лас! Лас-Таэнин!

Дени уехал. Действуй, Май! Забыла номер Скорой?

Я открыла дверь... мне показалось, что на меня смотрят. Ощущение было таким жутким, что я поспешно включила повсюду свет, а добравшись до шкафа, где висел ремень и кобура со «Скатом», вооружилась.

«Скат» «осмотрелся» и сообщил, что движущихся объектов нет. Источников тепла нет. Нервы, чтоб их!

Сняла диадему. Прочие побрякушки.

Стон со стороны входной двери. Выругавшись, я бросилась туда. Едва перешагнула порог – вновь ощущение чужого внимания. Ладно, не до этого. Втащила Лас внутрь. Та уже не реагировала на слова, на тряску. Звуки, которые ещё долетали из её губ, походили на поскуливание.

Я приняхалась. Дыхание чистое, слабый запах ванили и яблок. «Тоже сладкоежка», вспомнила я. Запах вишни – ага, это «шипучка». Что с тобой, малышка?

Ладно. Сняла с неё тяжёлую куртку, – действительно ножны! Что-то там такое? Кинжал, короткий меч? Отстегнула, не интересуясь. Ох, и тяжёлая ты, Лас... Стащила с неё обувь. Как ты во всём этом ходишь – весит, словно стальной панцирь!

Уложила на кровать. Пощупала пульс. И перепугалась так, что сама чуть не упала в обморок. Пульс едва ощущался. Дыхание – тоже. Приподняла одно веко – зрачок расширен до предела, на свет не реагирует.

Меня стало трясти. Я выскочила в коридор (вновь кто-то «глянул в спину»), ринулась к сигналу охраны. Стукнула по нему.

Сломан.

– Кто-нибудь! – крикнула я. – Помогите, человеку плохо!

Тихо. Никого... а «мех» прекрасно глушит звуки.

Назад!

Хлопком включила терминал, едва не разбив поверхность. Вызвала Скорую.

«Вызов принят».

Подумав, набрала номер Хлыста.

«Абонент не отвечает на вызов». Где ты, Саванти? Почему не отвечаешь? Поставила «автодозвон», собралась бежать вниз, в Залы...

Я сбегая вниз, где развлекается Тигрица, где можно крикнуть о помощи и получить её... но доживёт ли Лас до моего возвращения?

Рассудок слегка прояснился. Вытащила платок из шкафа, намочила, протёрла ей лицо, положила компресс на лоб. Лас пошевелилась – прекрасно. Двигайся, хоть немного! Расстегнула на ней одежду – плевать на приличия, сейчас я – врач. Потом – пожалуйста, хоть сто ритуалов очищения.

Взгляд упал на полку с конспектами. Сбросила на пол с десяток тетрадей, пока не увидела ту, что надо. Страницы рвутся под руками. Вот... так... меры срочной помощи. Перечень признаков... Да, есть! Интересно, найдётся у меня валериановый настой? Мята?

Пока искала, разбила несколько пузырьков. Спокойно, Май. Досчитай до десяти. Торопиться нельзя.

Пропитала пару платков в травяной настойке, обвязала запястья Лас. Вспомнила слова лектора. Вполне возможно, что сам Саванти и читал. «Сделайте это, чтобы выиграть немного времени. Пять-семь минут у вас будут. За это время можно дожидаться помощи. Но не медлите – вы включаете последние ресурсы».

Лас затихла. Я пощупала пульс – прерывистый, но немного сильнее. Жар спадает. Теперь что?

Терминал сообщил, что ни один из абонентов не отвечает. Подавив дурную мысль – пальнуть, скажем, термопулей в коридоре, чтобы поднялась суматоха – я вернулась к исходному вопросу – что теперь? Пять минут пройдут быстро.

Библиотека!

Ладно, рискну. На всякий случай крикнула ещё пару раз. Оставила дверь приоткрытой – может, хоть кого-нибудь заинтересует.

Сглотнула. Только не паниковать.

Библиотека ответила сразу. Хорошо, если никого более на связи. Потёрла ладони, сбросила перчатки.

Начали.

* * *

Учитесь пользоваться справочниками.

«МЕРЫ СРОЧНОЙ ПОМОЩИ».

Так. Жаль, что кровать так далеко. Не бегать же туда-сюда. «Наручники» я наложила правильно. Проклятье – всё равно придётся вернуться и посмотреть на её состояние. Управлять голосом бессмысленно – вежливый автоматический чтец не умеет «проскакивать» то, что мне неинтересно слушать.

Температура упала почти до нормы. Пульс медленный, ровный. Зрачок...

Что-то не так. Я отпустила её висок. Посмотрела на свои пальцы. Губы Лас шевелились. Она улыбается! Глазные яблоки движутся под веками.

Почему сам собой включился кондиционер?

Осторожно понюхала пальцы. И всё поняла.

Эх, подруга... тебя не научили считать дни? Два раза в году?

Надену-ка я перчатки. Мало ли. Да и с неё пока снимать не стану.

У Лас – первая фаза цикла. Ищем подсказку. Терминал сообщил, что команда Скорой уже рвётся, несётся, мчится сюда. Что-то я не слышу топота.

«ЦИКЛ»

Ой, сколько «циклов» в каталоге!

«ЦИКЛ РАЗМНОЖЕНИЯ».

Не то. Ну почему медики никогда не могут выражаться обычными, человеческими словами?

С третьего раза получилось.

«ЦИКЛ РЕПРОДУКТИВНЫЙ, у человека (Maerton Harta est. Thore), он же цикл Афарен-Мане».

Я впитывала всё, что появлялось на экране, со страшной скоростью. Страница за страницей. Текст. Иллюстрации. Иногда поворачивала голову – Лас не издавала звуков, но признаки первой фазы цикла налицо.

«У женщин: спокойная (неактивная) фаза цикла продолжается в среднем шесть лунных месяцев, от 120 до 135 дней. Если вступительные циклы (см.) не были инициированы хемоконтактной стимуляцией Фаттана (см.) произвольного из поясов, подготовительная, первая и вторая фаза цикла проходят в течение 1—2 суток, третья (активная) фаза не наступает и не может быть инициирована.

В случае инициированного цикла подготовительная фаза сменяется первой в течение суток; при отсутствии хемостимуляции или комплексном гормональном подавлении (см.) организм возвращается в спокойную фазу в течение 12—16 часов.

Усечённый (неиницированный) цикл запускается самопроизвольно, как правило – в возрасте от 10 до 22 лет. Полный (иницированный) цикл может быть спровоцирован, начиная с 9 лет (активная фаза до 15—16 лет отсутствует)».

Я вернулась к Лас и «заглянула за уши». При прочих обстоятельствах – мягко скажем, невежливое действие. Будь мы при людях, даже намёк на подобный осмотр был бы поводом использовать оружие. Я ведь не врач.

Осмотрела. Пигментация не нарушена, Лас не зря называют недотрогой. «Верхний пояс» – голова и шея – нетронуты, значит... значит... цикл не инициированный, усечённый. И что? Проклятье. Не знаю я, что это значит. Когда я втаскивала её в комнату, никаких признаков цикла не было. Подготовительная фаза если и прошла, то незаметно для меня. Во время подготовительной фазы должен быть характерный блеск глаз – какой уж тут блеск...

«Подготовительная фаза не сопровождается активацией контактных и рецепторных областей, существенным сдвигом гормонального баланса и изменениями в гонадах, но сводится к резкому (на 1—2 порядка) повышению уровня секреции фактора Фаттана-Мессе (см.)»

Я в замешательстве глянула на свои руки. Фактор Фаттана-Мессе. То, из-за чего я ношу перчатки... и шапочку. Если соответствующие части одежды Лас не смогли подавить выброс «фактора» – «духов» на студенческом языке, то... Память поднималась целыми пластами – как тогда, когда дядя вручил мне амулет. Идиотка! Я кинулась к Лас и сорвала с неё шапочку – вязаную сетку. Если её «пробило», то Лас в состоянии угореть от собственных «благовоний».

Ох...

Ноги тут же стали ватными. Голова закружилась. Я встала – попыталась встать – и направилась к пульта управления кондиционером. По пути два раза почти теряла сознание – чёрные волны скрывали всё под собой.

Успела дать максимальную тягу, прежде, чем меня «накрыло».

Это не один-два порядка, подумала я, когда кондиционер обрушил волну ледяного воздуха. Это намного больше. Чистый воздух отрезвлял, меня всю кололо серебряными иголочками. Да. Не завидую терапевтам.

Лас пошевелилась. Хороший признак. Сейчас надо снять с неё перчатки – да спрятать всё это куда-нибудь, – может, Скорой потребуется. Должны же они разобраться, что с ней стряслось.

Где они, кстати? Где эта помощь?

Лас выглядела расслабленной, кожа темнее обычного – что-то не так. Что же делать? Спокойно... Сними с неё перчатки, спрячь, смени компресс...

Я осторожно наклонилась над Лас, задерживая дыхание. Черноволосая продолжала улыбаться, губы были плотно сжаты. Лас «пела» – издавала тихие, напоминающие мурлыканье звуки, иногда едва слышно стонала – продолжая улыбаться. Мне следовало насторожиться, но... Я потянулась к её рукам.

Она успела снять перчатки!

Когда – не пойму. Мне показалось, что на меня упала скала – руки её сдавили мне шею, потянули вниз. У меня начало темнеть перед глазами. Если я сейчас же не отобьюсь, если Лас сумеет снять с меня шапочку, если я вдохну... через минуту буду выглядеть не лучше.

И Нескорая помощь обнаружит здесь два тела. У обеих будут обширные кровоизлияния в мозг.

Трудно отбиваться от противника, которого не хочется калечить, но который перестал быть человеком – нечто тёмное, управляемое чудовищной дозой естественных наркотиков. Болевые приёмы не действовали. Только не вдохнуть. Только не позволить себе вдохнуть. Уклоняясь от ставших стальными пальцев Лас, я ударила её лбом в солнечное сплетение.

Тёмная пауза... Я сижу на полу, всё лицо в крови. Отлично проводим время, Май. Честно говоря, мне было всё равно, что с той, что находится на кровати. Я сумела доползти до ванной и убедиться, что ссадина невелика, кости целы. Шея черна от синяков, болит при прикосновении. Костяшки пальцев ободраны. Надеюсь, я не вышибла ей зубы.

Не вышибла. Она вообще как новенькая – ни синяка, ни ушиба. Я даже разлилась ненадолго.

А вот настоящий сюрприз. Прошло пять минут, а Лас... снова пребывает в первой фазе. Вот так.

Что за...

Пошатываясь, я вернулась к терминалу. Абоненты не отвечают. Чтоб этой Скорой сгореть... после того, как Лас поправится. И отчего сообщили, что бригада в пути? Сбой? Дурная шутка?

«ЦИКЛА РЕПРОДУКТИВНОГО ПАТОЛОГИИ».

«Нет авторизованного доступа к данным сведениям».

Вот так!

«РЕЦЕПТОРНЫЕ ОБЛАСТИ ФАТТАН, у человека (Maerton Harta est. Thore). Условно делятся на три большие группы, частично пересекающиеся («пояса»).

Первый (верхний) пояс включает голову, шею, предплечья, верхнюю часть спины. Охватывает 42 стандартные рецепторные области (т.н. активные точки), воспринимающие модификаторы поведения Фаттана (см.) первой и второй групп. Контактная стимуляция «лепестковых» шейных точек (см. иллюстрацию) во время подготовительной и последующих фаз репродуктивного цикла позволяет инициировать индуктивное состояние Мессе (т.н. «медовый голос», см.).

Второй (средний) пояс включает области спины (ниже лопаток) и живота, частично – внешнюю сторону бёдер, охватывает 18 стандартных рецепторных областей. Рецепторы второго пояса активны только во второй и третьей фазах репродуктивного цикла, воспринимают модификаторы поведения всех трёх групп. Контактная стимуляция более чем шести точек среднего пояса является единственным способом безусловного запуска третьей (активной) фазы цикла».

Уф. Как легко, оказывается, управлять человеком. Вот не ожидала. И зачем я сорвала Саванти его «блокаду»?

Лас что-то прошептала. Я осторожно приблизилась. О небеса... Опять вторая фаза! На этот раз я не стала подходить близко. Очень уж обманчиво расслабление и кажущаяся слабость. Мне было неприятно и неудобно – словно я, со спокойствием и любопытством ребёнка, наблюдаю за агонией попавшей под автомобиль кошки.

Ещё три минуты. Лас вернулась в первую фазу. Как остановить это «мерцание»?

Как мерзко. Саванти этот случай может стоить очень дорого. Как и Лас. Как и мне – за самовольное «лечение». Но обратного пути нет.

За следующие пять минут я убедилась, что всем подряд о способах экстренной помощи при сбоях цикла не сообщают. Что за глупость! Впрочем, не такая уж глупость – если научить такому кого угодно, не дав при этом клятву медика, то... Такой человек может много натворить. Даже и без злого умысла. В Университете каждый год не менее десяти молодых недоумков оканчивают свои дни в реанимации – после поиска способов подольше «заглаживаться». А на вид такое безобидное развлечение! «Хемоконтактная стимуляция рецепторных областей Фаттана». Звучит, как заклинание. В обыденной жизни – «погладить за ушками».

Я почувствовала, что краснею.

Нет, напрасно я ищу. Если в течение минуты ничего в голову не придёт, побегу вниз. Больше с огнём играть нельзя. Кто знает, сколько «мерцаний» она выдержит.

Думай, Май, должно быть что-то очень простое.

Лас «проваливалась» вновь. Что-то очень быстро. Маятник ускоряется.

«Озарение» выглядело, как накладывающиеся картинки. Реа-Тарин, надевающая перчатки – кто первый, котики?... Уроки первой помощи... Я сама, с размаху ударяющая Лас головой в живот...

Я бросилась к терминалу.

Боевые искусства! Точно!

Болевые приёмы. Где-то здесь. Сейчас, сейчас...

«САТТА-КАЭ, боевых искусств школа, разработана...» неинтересно, кем разработана. «Приёмы ближнего боя основаны на ударном воздействии на активные точки верхнего и среднего поясов... Примеры захватов... освобождения от захватов». Захват «когти ястреба». Полтора «куан» – второго сустава среднего пальца – от линии, соединяющей... Ясно. Здесь, здесь и здесь...

«Побочным (парадоксальным) действием захвата является купирование хемочувствительности всех трёх поясов и временная (от 10 до 30 минут) регрессия второй и первой фаз репродуктивного цикла. Регрессия сопровождается болевым воздействием 2—3 уровней. При наличии патологий...»

Откуда мне знать, какие у неё патологии?

Я вернулась к Лас. Плохо дело. Полторы минуты – и вторая фаза. Сорок пять секунд – первая. Интервалы сокращаются. Губы у неё потрескались... Пульс бешеный, сердце скоро не выдержит.

Принимай решение.

Я приняла. Семь бед – один ответ. Как только Лас вернулась в первую фазу, я быстро расстегнула её блузку – проклятие, девица мокрая насквозь от пота, а у меня тут арктический мороз. Так. Быстро, ищем точки. Отличительные признаки... здесь и здесь... Только бы не промахнуться.

Пять точек сразу.

Я нажала.

Такого удара в челюсть я не ожидала. Когда я поднялась с пола, Лас уже замахивалась повторно. Судя по всему, она не осознавала, где и почему находится. Ну да – если очнуться в чужой постели, да ещё и в частично раздетом виде... Подумать можно о многом.

* * *

Будь ножны поближе к кровати, вечер мог бы окончиться для Майтенаринн совсем печально. Кто мог знать, что пробуждение станет таким основательным! Но Лас потратила несколько драгоценных секунд, дотягиваясь до ножен... ей надо было не спускать глаз со Светлой, этой гадины... Дени!! Где ты?!

Ей нужно отвести взгляд от поднимающейся на ноги Май только на полсекунды.

Есть!

Мышцы плохо повиновались Лас-Таэнин. Светлая чем-то опоила её. Надо успеть сделать всё, что положено с этой... с этой...

– Пей! – приказали ей.

Ободранная и злая Майтенаринн протягивала какие-то чёрные таблетки и стакан с водой.

– Vasset ma faer, – прошипела Лас, держа клинок перед собой. – Я напьюсь твоей крови!

Майтенаринн, не меняя выражения лица, отставила стакан с водой (Лас повела клинком... ну же, Май, отведи взгляд) и в лицо Ласточке уставился гладкий мерцающий ствол пистолета.

– Пей, сумасшедшая, – услышала Лас слова, которых не могло быть произнесено. – Я могу уйти, но ты умрёшь.

Лас только оскалилась. Какие клыки...

– Стреляй, – предложила она. – Давай, стреляй.

Майтенаринн спокойно нажала на скобу... и красный огонь ударил Лас в лицо. Она выронила кинжал... Застрелила, успела подумать она.

Не застрелила.

– Пей, – Светлая обезоружила её, пинком отправив клинок в сторону. «Скат» вновь смотрел Лас в глаза. – Не зли меня больше, прошу тебя.

Лас ощутила, как внутри что-то ломается. Май не могла так поступить с ней... она ведь... сегодня вечером... они говорили... Дени объяснил... Мутные волны захлёстывали окружающий мир.

Она кивнула. Май осторожно передала ей таблетки. Вручила стакан с водой. Поймала упущенный стакан... не переставая держать неожиданно «вылечившуюся» на мушке.

Расскажешь кому-нибудь – не поверят.

Лас всхлипнула и безучастно упала на бок.

Май присела рядом, спрятала оружие.

– Тебя учили считать дни, красавица? – осведомилась она. – Где твои таблетки? Какого... ты потеряла на празднике? Острых ощущений захотелось?

Лас вздрогнула. Дрожащими руками ощупала голову... уши... за ушами. Прикоснулась к животу.

– Давай, осматривайся, – Май сплюнула кровью себе под ноги. – Делать мне нечего – «расстёгивать» тебя. Что я, совсем с ума сошла?

Лас молча кивнула.

Май остолбенела и... рассмеялась.

– Вставай, – она выволокла тряпочную Лас из постели. – Идём.

– К-к-куда?

– В душ, куда же ещё. Там осмотришься в своё удовольствие. Целы твои ушки, недотрога, всё прочее тоже цело. Смотри только, не утони.

Май довела покорную Ласточку до ванной и оставила там. Не утопилась бы сдуру... Да ну её, в конце концов. Сейчас, надо полагать, явится Скорая – отличный вид у спальни! Картина «мы весело празднуем Выпуск». Особенно хорошо смотрятся разбитое лицо хозяйки и кинжал на полу.

Нда...

Постельное бельё было пропитано потом чуть ли не насквозь. Сколько жидкости в человеке... Ладно. Сорвала всё это, брезгливо скомкала, засунула в мешок – потом!

Опять накатило. Нельзя было вдыхать, нельзя!

Из ванной доносился слабый шум воды.

Свежий воздух. Упоительно свежий воздух. Май прислонилась головой к стене, замерла.

* * *

Я успела заменить постель, убрать оружие в ножны, сложить одежду этой ненормальной рядом с кроватью. Не спать мне на этой кровати ещё очень долго, чужие «духи» так просто не выветриваются. Ну и ладно.

Интересно, куда это я засунула шкатулку, подарок посла? Неужели забыла в пультавой? Да нет, Саванти помог мне всё принести. Ключик от неё сразу спрятала в карман – вот он, а шкатулку... Ладно, не до этого.

Вода перестала шуметь.

Я помогла Лас, как-то сумевшей вылезти из ванны, одеться (в мой халат... больше мне его не носить). Черноволосая вздрагивала при каждом моём прикосновении.

Так же, чинно и покачиваясь, мы вернулись с ней в спальню.

– Я сейчас «запою», – бесстрастно сообщила Лас. Я едва не засмеялась. Но сумела удержаться. Две таблетки я ей дала... дам-ка ещё одну.

– Пей, – помогла я ей. – Умница. Ты что, ничего не помнишь?

– Я хотела... голова закружилась... Пошла к себе в комнату...

Помогла ей улечься, прикрыла одеялом. Глаза Лас заволакивало... заволакивало...

Я посмотрела, наконец, на оброненный ею ключ. Ошиблась этажом, похоже. Ну да, в таком состоянии.

– Ты ошиблась этажом, – поделилась я с ней важной новостью. – Подошла к моей двери. Хорошо, что я была поблизости.

Лас посмотрела на меня и вновь отвела взгляд.

– Позови Дени...

– Он уехал.

Лас всхлипнула.

– Ты... ты прогнала его...

– Знаешь, подруга... – я встала, подняла ножны, положила поверх одеяла. Лас тут же вцепилась в них. – Держи. Защищай свою честь сколько хочешь. А я с тобой не разговариваю... пока у тебя чайничек не остынет. Не вставай, я схожу за помощью.

Лас вновь всхлипнула, обняла ножны и закрыла глаза.

Когда я, переодевшись в относительно чистую одежду, вернулась, Лас спала. Первая фаза. Нормальная, управляемая. Ладно, воительница, с тебя хватит. С меня – тоже. Учили глупую – не делай добра насильно, себе же хуже будет. Не научили.

Праздник, значит. Хорошо. Надела диадему, украшения...

На выходе из комнаты я столкнулась с... Саванти. Господин без пяти минут директор медицинского центра был весел и в меру пьян.

– Май? С кем это ты тут? Что это тут у тебя...

Обвёл взглядом комнату.

– Хорошо проводишь время... Там тебя потеряли, внизу, меня вот послали позвать. Телефон свой ты мне не сказала...

Я не сразу поверила, что слышу именно это; когда поверила, от души врезала ему в челюсть. Примерно так, как это недавно сделала Лас.

Саванти поднялся на ноги, ошарашенный до полного отрезвления.

– Май? Да что...

– Там, – указала я рукой. Голос мой был спокойным – сама удивилась. – В моей спальне. Ласточка... Лас-Таэнин эс ан Вантар эр Рейстан. Я думала, она умрёт. Иди, займись. И не забудь отдать меня под суд.

Саванти потянул носом и ринулся в спальню, когда я произносила последние слова.

А я поняла, что меня беспокоило, когда я втаскивала беспомощную Лас внутрь апартаментов. У двери стоял пылесос, я забыла его выставить наружу – как обещала. Теперь пылесоса не было.

* * *

Я стояла и смотрела, как Саванти проводит осмотр. Первым делом он извлёк из верхнего кармана халата небольшой баллончик и... брызнул себе в рот. Скривился... закашлялся.

– Здравствуй, родной ларингит, – пробормотал он. – Ну тут и концентрация... Давно она так?

Я прикинула.

– Минут двадцать.

Саванти присвистнул.

– В доктора играешь? Знаешь, шутки шутками...

Я шагнула к нему, сжимая кулаки.

– Ну, Хлыст... Вон, убедись – Скорую вызываю непрерывно, тебя лично – тоже. Что у вас там? Забастовка?

Саванти замер, помолчал.

– Ладно, – примиряюще заявил он. – Вначале Ласточка. Сделай одолжение, надень фильтры.

– Чего?!

– Шапочку. Перчатки.

– «Шапочку»! – передразнила я его. – Скажите, какие неприличные слова! – и удалилась в соседнюю комнату.

Вот только здесь мне её «духов» не хватало. Ладно, сейчас закрою шкаф и устрою вытяжку. К утру у меня в апартаментах выпадет снег и заведутся полярные медведи.

– Её тошнило? – осведомился Саванти, делая Ласточке укол.

– Да.

– Как давно?

– Как раз, когда я её обнаружила. Минут двадцать-двадцать пять назад.

– Где?

Я сделала над собой усилие и ответила, спокойно.

– В коридоре, на полу.

– Ты... – Саванти кашлянул и выскочил в коридор. Вскоре вернулся. – Почти всё уже «вычищено». Очень некстати.

У нас успели постелить самоочищающиеся дорожки? Забавно. А у меня в апартаментах почему не... Ах да, я же ничего не позволяю здесь менять.

Саванти поднялся,

– Ловко, – похвалил он. – Валериановые «наручники», верно? И «строгий ошейник».

– «Когти ястреба».

Саванти удивлённо поднял брови.

– Быстро соображаешь. Гордись, ты спасла ей жизнь.

– И вам, недоумки, – выговорила я злым голосом. – Не забудь написать в отчёте, что до вас не дозвониться.

– Всё, Май, – Хлыст потёр глаза. – Исчезни-ка ненадолго. Сходи за Тигрой. Хотя нет, на кой она мне тут такая... игривая. Вызови снизу санитаров. Вот, – он протянул мне карточку. – Нижний телефон.

– «Исчезни»? Интересно, кто у кого в гостях?

Саванти промолчал. И правильно сделал.

– Всё, ухажу, – я отряхнула одежду. – Вот её ключ. Остальное рядом с кроватью.

– Спасибо! – крикнул он вслед. – Да, просили передать, тебе из дому звонили.

И пусть звонили. Мой законный праздник – до завтрашнего утра. А там пусть звонят ещё. Если буду в настроении, отвечу.

Если не присматриваться, лицо у меня не такое и разбитое. Можно кое-что скрыть под волосами и украшениями...

* * *

– Привет-привет! – помахала мне Реа-Тарин. – Мы тебя заждались. Заснула ты там? Или... – она потянула носом. – О-о-о...

– Помогала Хлысту, – ответила я, возвращаясь в благодушие. Было ещё обидно, очень обидно... но в присутствии Реа не удавалось дуться. – Тяжёлый пациент.

– Уже?! – трое студентов и Реа воскликнули разом. Один из «коллег по клубу» куда-то делся. Двое остальных – долговязый парень и девушка – спали в своих креслах. Не видать им дополнительного отпуска.

– Саванти уже и тебя к делу пристроил, – недовольно заметила Тигрица, наливая себе и мне вина. – Что там?

– «Переглаженный».

– Как всегда, – Реа задумчиво откинулась в кресле. – Скоро фейерверк, потом – парк аттракционов. Ну, ребята, последний шанс.

Парни засмеялись и покачали головами.

– Даже втроем они меня боятся, – изобразила обиду Реа. – Как хотите, как хотите...

– Втроём? – я допила вино и встала. Не знаю, что на меня нашло. Груда вновь обрётённых знаний шевельнулась в памяти. – Что же вы...

И шагнула в сторону Реа, медленно снимая перчатки.

– Дуэль, Королева? – улыбнулась Реа и сняла свои. – Ладно. Проверим твою реакцию.

Она уселась в кресле спиной к подлокотнику, сложила руки на коленях. Я медленно подошла сзади, наклонилась.

Вижу. Чувствую. Новое «зрение» слабо, но действует.

Положила пальцы ей на плечи. Тигрица расслабилась... но меня уже не обмануть. Я осознаю, что она готова мгновенно выбросить руки, нажать легонько на нужные точки. Второй попытки у меня не будет. Я медленно раздвинула пальцы.

– М-м-м, – промурлыкала Реа, явно для публики. Тихонько шепнула. – Не старайся, Королева. Загадай желание. Я сегодня добрая...

Я задержала руки поверх её ключиц. Реа замерла. Но «тряпочной» она не была. Уголки губ тихонько подрагивали. Ждёт... Ждёт, когда я попытаюсь неожиданно надавить на «волшебное» место... Чтобы отплатить мне тем же – и мне не уйти, места для манёвра нет.

Убрать мысли. Сосредоточиться на других точках. В кабинете стало совершенно тихо. Зрители боялись «спугнуть» нас.

– Хи-и-итрая... – протянула Реа, закрывая глаза. – Кто тебя учил, Май?

Два «куан» от плечевого сустава... Чувствую... Точки чуть теплее... Нервничаешь, Тигрица?

Нервничаешь...

Я нажала. Резко. И не туда, куда ожидала, должно быть, Реа. Рефлекс – вещь страшная, Реа опоздала с ответным выпадом. А я резко откинулась, приседая, когда её руки взметнулись, чтобы точно попасть в «сонный квадрат» чуть выше основания шеи. И тут я нажала – сильно – в тот самый квадрат. Неточно, одним пальцем промахнулась.

Тигрица судорожно вздохнула, взмахнула руками ещё раз... Поздно, Реа.

Я осторожно подхватила её, передвинула так, чтобы ей было удобнее.

Реа спала.

На самом деле. Никакого притворства. Я осторожно приподняла краешек левого века. Реа улыбнулась, сильнее обнажив клыки и... медленно свернулась в клубочек. Насколько позволяло кресло.

Я выпрямилась. В голове звенело. Если бы не «зрение», сейчас точно так же лежала бы я. Ну, может быть, снисходительная Реа нажала бы чуть слабее, или одним пальцем вместо четырёх – пять минут сна, для подтверждения победы.

– Класс... – восхитился кто-то. И тут словно взорвались.

– Здорово, Май... Научи, а? Никто ещё Тигрицу не «заглаживал»! Эй, ребята...

– Что за шум? – Саванти вошёл, бодрый и невозмутимый, словно ничего не произошло. – Ну дела... Кто это её так?

– Она, она! – указали студенты.

– Поздравляю, Королева. Тигра тебя будет обожать до конца жизни. Тебе это удалось первой. А ну тихо, – Саванти одарил остальных грозным взглядом. – Дайте человеку поспать. Да, и заберите ваших неудачников – вон они, уже просыпаются.

Проснувшиеся были бодры и смущены, особенно девушка.

– Всем подарок! – объявил Хлыст. – По одной неделе я вам накину. На память. Но – чтоб никаких хвостов у меня к осени, ясно?

Всем было, конечно же, ясно.

– Ладно, коллеги. Оставьте нас, нам тут работа неожиданно нашлась. Ещё увидимся!

Я встала, чтобы попрощаться со всеми. Прикоснулась пальцами к щеке каждого... Ритуалы, ритуалы. Утомительно всё это.

* * *

– Насчёт «до конца жизни» я не шутил, – Саванти указал взглядом на бутылку с вином, но Майтенаринн отказалась. Так и не выпила минералки.

Саванти отпил глоточек, кашлянул.

– Вылечить тебя ещё раз? – вежливо предложила девушка.

– Нет, спасибо. Одного раза вот так хватило.

– Я же не знала...

Саванти неожиданно поднялся, подошёл к Майтенаринн и... вручил носовой платок.

– Я вижу, – он вздохнул. – Давай, Май, не стесняйся. Я выйду, если хочешь.

Майтенаринн покачала головой – не уходи – и закрыла лицо платком. Долго сидела так, чуть вздрагивая. Отняла платок. Лицо её посерело.

– Я знаю, это обидно. Но, Май, это обычное дело, поверь мне. Знаешь, что делает четверть «заглаженных», которых вытаскиваем с того света? Подают на нас жалобу. А то и в суд. А тут...

– Что с ней?

– С ней хорошо. В смысле, выкарабкается.

Он замолчал.

– Интереснее другое. Кто-то постарался, чтобы твой звонок нам не прошёл.

Холодок прополз по спине Майтенаринн.

– Ты уверен?!

– Такими вещами не шутят. И – самое главное. У Лас-Таэнин очень странная интоксикация. Я не знаю, чем ты её напоила, следов в крови осталось немного. Мы забрали бельё для анализа... гхм... постельное. То, которое ты сменила. Похоже, наша птичка рискнула какой-то стимулятор попробовать.

– Если можно, Хл... Саванти. Не...

Саванти поднял ладонь. Оглянулся, прижал палец к губам.

– Кто-то донёс, что ты была при смерти. Кто-то «заткнул» мне телефон и входную линию. Надо радоваться, что, кроме Лас, ничего серьёзного не было. Понимаешь? Я не могу ничего скрывать, Королева.

– Понимаю.

– Не нравится мне это. Всё, ни слова больше! Я знаю, что ты сейчас скажешь: «это всё из-за меня».

Май отвела взгляд, вздохнула.

– Хорошо Тигре, – Саванти задумчиво поглядел на спящую Реа-Тарин. – Ладно. Вот что, Май... Мы перевезли Ласточку в реанимационное. Вот ключ от её комнаты. Охранник встретит тебя. Возьми её... фильтры? – Май невольно усмехнулась. – Она просила.

– Именно меня?

– Да.

Майтенаринн выпрямилась.

– С какой стати, интересно?

– Какие мы гордые. Хорошо, сам схожу.

Девушка некоторое время раздумывала.

– Хитришь, Саванти... Ладно, прогуляюсь. Если по дороге не засну.

– Да, выспаться тебе не вредно. В твоих комнатах, наверное, не очень приятно. Что-нибудь придумаем. Назови-ка номер телефона. Твоего, личного.

– Я его не знаю.

– Вот как. Ну хорошо, вот, возьми «свисток», – он вынул из кармана и протянул девушке плоский предмет. – Умеешь обращаться?

– Видела. У охранников такие.

– Правильно. Номер там написан. Если что – свисти. Мой кодовый – 3451. Связь уже наладили.

Май остановилась и покопалась в кармане. На стол из её ладони выкатилось три тёмных таблетки.

– Я дала ей вот это.

10. Белый невесомый порошок

Скромно живёт Ласточка. Кто она? Третья дочь графини Вантар эр Рейстан, владелицы пяти крохотных островков. Железная и марганцовая руда, устрицы, водоросли «кудри Соари» – прекрасный источник микроэлементов. Богатая наследница. Если о ней, как о наследнице, вспомнят. Практика сейчас такая – «лишних» дочерей отправлять подальше. А если решат не возвращаться, тем лучше. Повод не пускать обратно придумать легко, а оплачивать «отказное» содержание несложно.

Охранник коротко поклонился и отпер дверь. Далеко идти не пришлось: всё сложено в коробочки, стоят на полке у входа. Несколько коробочек – про запас. Я осторожно пригнулась. Не похоже, чтобы Лас перепутала дни – такое трудно не учуять. Что может инициировать цикл раньше времени?

Не сходи с ума, Май. Забудь про медицину.

Порядок у неё. Это радует. Но всё отчего-то в тёмных тонах. Охранник кашлянул. Намёк поняла.

– Сообщите, пожалуйста, что я иду, – попросила я, как и было сказано. – Минут через десять буду в реанимационной.

Он кивнул и тщательно запер за мной дверь.

* * *

Вновь путешествие по тёмным переходам. И вновь неприятное ощущение пристального внимания. Я едва не выхватила «Скат», когда «жжение» стало нестерпимым.

У входа в реанимационное меня обыскали – условно, конечно, несколько раз взмахнули детектором. Тут-то я и взмокла...

– Проходите, тахе.

Не обнаружили! «Скат» не обнаружили!

Охранник встал спиной ко мне. Тактичный. Вот я сейчас выну шпильку и воткну её в ухо пациенту... Потрясла головой.

Не сходи с ума, Май.

Было относительно тепло, воздух совершенно чист – а ведь черноволосая без «фильтров». Хоть где-то у них тепло.

– Лас?

Она пошевелилась, вздохнула. Первая фаза – «стеклянная», самая противная. Всё кажется полупрозрачным, каждое движение причиняет боль, в ушах постоянно звенит.

– Давай, помогу.

Я осторожно одела «сеточку» поверх её собранных в две косы волос (уже успели причесать). Придержала одну ватную руку, одела перчатку. Вторую. Положила обе руки поверх одеяла. Всё. Можно удаляться.

– Нет...

Я оглянулась. Глаза Лас закрыты.

– Не уходи... Ко... Май...

Я присела у изголовья. Если посижу спокойно ещё минут десять, прямо здесь и засну. Вымотал меня день первый. Не хочу ни фейерверков, ничего. А ведь будет ещё день второй, и так до пятого.

– Дени?

– Скоро должен вернуться. Я скажу ему, что ты здесь. Что ты поправишься.

Она открыла глаза. Ей было тяжело держать их открытыми.

– Скажи... – она сглотнула. – Я... Он не виноват. Пусть... выбросит. Всё выбросит.
– Что выбросит, Лас?
– Ты дала мне...

Голос едва слышен. Уплывает Ласточка, и сны к ней приходят невесёлые. Я наклонилась поближе.

– Не надо... Не...

Она заснула. Я долго ждала, осторожно держа её ладонь между двух своих.

Вздрыгнула. «Зрение»... вновь выхватило часть чужой тайны. Лас... ты не знала, зачем Дени так спешил сюда, но последовала за ним. Не понимала, зачем он оберегает Светлую, эту ядовитую змею. Но помогала ему. Он – всё, ради чего ты живёшь. Вы с ним...

Я опомнилась, отпустила её ладонь. Прости, Лас... я не хотела. Я уйду с твоего пути, обещаю.

Мерно щёлкает аппарат жизнеобеспечения. Всё, мне пора.

* * *

На обратном пути я не выдержала и «обследовала» «Скатом» окрестности.

Есть тепловой след!

Я чуть было не закричала от страха. Да, от страха – хотя никто из людей не переживёт более одного термического попадания – стоит только нажать на спусковую скобу.

Вот здесь стоял кто-то минут пятнадцать назад. Ни запаха, ни следов. Как такое может быть? Вызвать охрану?

И что я им скажу?

Ладно. Держа руку на кобуре, я проследовала до выхода в рекреационный корпус. Спуститься вниз, в кабинет? Нет, не стану. Загляну к Дени, да и домой. Отключу блокировку – пусть вызывают. Могу и в кресле у входа выспаться. Хотя бы два-три часа, «собачье время» перетерпеть.

* * *

Буфет не был заперт, в кладовке горел слабый свет. Отлично.

Внутри тепло, свет не режет глаза. Пыльная смесь запахов. Как же Дени дошёл до работы здесь? Я так и не спросила. Прямо скажем, не самая почитаемая работа.

Я осторожно опустилась в старое, скрипучее кресло и прикрыла глаза. Ой, не надо, Май... Уснёшь прямо здесь.

Ну и усну. Мне уже почти всё равно. В случае чего – вон телефон на стене, авось догадаются позвонить.

Мне показалось, что я только прикрыла глаза. Услышала шорох. Запах дождя и листьев. Дени... Чем-то слегка обеспокоен, но уверен, даже радостен.

– Май? – шёпотом.

Да, это я. Только так не хочется просыпаться. Ещё пять минут, Дени. Ну хотя бы три...

Он осторожно прикрыл мне колени чем-то мягким и тёплым. Я улыбнулась и попыталась мурлыкнуть, как Реа. Он осторожно прикоснулся пальцами к моей правой перчатке и отошёл.

Ласточка!

Я уже готова была открыть глаза, когда мелодично звякнул телефон. Дени тут же взял трубку.

– Слушаю. Да, узнаю.

Голос его изменился на полуслове, стал вялым, деревянным. Я едва не подскочила. Заставила себя не двигаться. Мурашки поползли по коже.

– Конечно. Да, тахе-тари Ройсан.

Тётушка?!

– Да, здесь, спит.

Я окончательно проснулась. Меня била дрожь. Дени... повесь трубку, немедленно!!

– Ясно. Сейчас...

Он поднёс трубку к моему уху.

– Vaerte nes magi... Май, девочка, проснись... Немедленно домой, – сладкий голос тётушки.

Дени. Медленно вернулся, повесил трубку. Чем-то очень, очень горд.

Я окаменела. Ну и что? Прямо я разбежалась – домой ехать. Что за странные слова она сказала?

Я открыла глаза. Дени улыбался мне, присев перед креслом. В одной руке он держал стакан с водой, в другой – жёлтую таблетку.

Мир потемнел перед глазами.

* * *

Майтенаринн медленно встала (Дени поднялся, продолжая протягивать воду и таблетку). Не отрывая взгляда от его глаз, приняла стакан.

Дени улыбался.

Май улыбнулась в ответ... и резко ударила ладонью снизу по руке с таблеткой. Выплеснула воду в лицо Дени (тот попятился, продолжая улыбаться), швырнула стакан в раковину. От звона и грохота парень очнулся, в глазах появилось изумлённое выражение.

– Май! Что...

– С кем ты говорил по телефону?

Он отступал. Медленно. Глаза Королевы горели такой яростью, что не было времени обдумывать ответы. Они возникали сами собой. Правдивые. Но Май они явно не устраивали.

– Не... помню. Разве я говорил?

– Ты давно ей... служишь?

Дени охнул, взялся за виски.

– Май! Я не... что с тобой? Что случилось?

Девушка подняла валяющуюся под ногами жёлтую таблетку.

– Это – откуда?

– Да у тебя в кармане!

Майтенаринн запустила руку в карман. Маленькая коробочка с аптечным штампом. О небеса... Вот что она покупала в аптеке!

– Кто приказал тебе дать её мне?

– Не помню... – прошептал Дени, изменяясь в лице.

– Сколько раз ты уже давал их мне? Когда?

– Не помню...

– Ты всё ей рассказал про нас? Верно, Дени?

– Да... Нет! – он неожиданно согнулся, упал на колени. – Нет, Май... не делай этого!

– Где ты был? Что она приказала тебе сделать?

– Я... она... Нет, прошу тебя!

Он закричал. Так, словно его сжигали заживо. Май опомнилась, отбросила таблетку, при-слонилась лбом к стене.

Страшная пустота внутри. Кто ещё слушается таких «указаний» по телефону? Кому можно доверять? Саванти? Реа? Кто встречал её, Май, по утрам – жёлтой красивой таблеткой и стаканом воды?

– Всё, Дени. Хватит игр. Я отпускаю тебя, – она извлекла «конька» и едва не швырнула его о стену. Положила под ноги качающемуся взад-вперёд Дени. Струйка крови вытекала из уголка его рта.

– Это давно не игра, Май... Королева... Я всё это время...

– ...охранял меня, знаю. Для тётушки.

Он поднял налитые кровью глаза.

– Нет.

– Я тебе не верю.

Он кивнул. Май попятилась. Что с ним? Ярость неожиданно прошла. Возникла звенящая усталость.

– Ласточка чуть не умерла этой ночью, – сообщила Май горько. – Отравилась. Я спасла её. Дени вновь поднял голову. Губы его дрожали.

– Где... где она?

– В реанимационном. Тебя туда могут не пустить. Вот, слушай...

Май, слово в слово, передала разговор.

Дени поднял голову. По щекам его скатывались слёзы.

– Послушай... Это важно, поверь...

– Ты свободен. Хлыст сказал – Лас выживет. Будьте счастливы. С долгами покончено.

– Май... Но я должен...

Она отвернулась, пошла, шатаясь, к выходу. По пути смяла коробочку с таблетками и швырнула в пространство.

– Май!

Она не ответила.

– Прошу тебя...

Май зажала уши, плечом открыла двери наружу. И побежала, изо всех сил, пока сил не осталось вовсе.

* * *

Она шла и шла, а коридор всё тянулся и тянулся. Праздник продолжается. Сил нет думать ни о чём. Жить не хочется. Всё вокруг – ложное, отовсюду пахнет жёлтыми таблетками с беспробудным сном внутри. Дени, Дени... Как же ты? Когда?

А ты, Май – когда? Ты спала в течение пяти лет, сказал дядя.

Прямо из стены по левую руку вышел... Дени. Полупрозрачный. Грустно глянул на неё... шевельнул губами. Май прижалась к стене. Отчаянно нащупывала дверную ручку. Нет ручек. Просто стена, бесконечный коридор.

Дени пошёл, мимо неё, склонив голову. От него распространялся сильный холод.

Майтенаринн окликнула его. Он оглянулся, покачал головой, улыбнулся. Кровь так и стекает из уголка рта.

Дени посмотрел за спину Майтенаринн. Та медленно, ощущая, что настал её последний миг, обернулась.

Ласточка!

Пытается выйти из стены. Что-то мешает ей – но нет, справилась. Дени махнул куда-то вперёд, двинулся в указанном направлении. Лас пыталась догнать его, но что-то сковывало её. Она беззвучно кричала...

Майтенаринн поймала черноглазую за руку.

Руку обожгло так, что всё закружилось перед глазами.

Дени шёл и шёл... Удаляясь от Лас.

– Стой! – крикнула Майтенаринн, поднимаясь на ноги. – Стойте же! Стойте!

* * *

– Очнись, Май! – Саванти осторожно тряс меня за плечо. Реа, бледнее обычного, стояла рядом, на коленях, придерживая меня за голову. Пахло чем-то едким.

– Что с тобой? Почему спишь прямо на полу?

Я попыталась вскочить на ноги, не получилось, стукнулась виском о стену. Реа поддерживала меня, помогла подняться.

– Дени...

– Что Дени?

Я потрясла головой.

– Ничего. Я кричала?

– Да. Слушай меня внимательно, Май... Май! Ты с нами?

Да. Я с вами. А с кем вы?

– Слушай. Дело плохо. Лас отравили нертфеллином.

– Что это?

– Наркотик. Очень, очень сильный. Скоро здесь будет не продохнуть от следователей. Кто-то подмешал ей порошок в питьё.

«Пусть выбросит... Всё выбросит».

– «Шипучка!» – закричала я. Реа поймала меня, стиснула плечи так, что я пришла в себя. – Проверьте... Срочно!

Саванти глянул на меня.

– Верно. У неё в кармашках были обёртки. Есть следы нертфеллина. Что ты знаешь про «шипучку»?

– Она взяла... – я осеклась, – я... дала ей... Попросила у Дени.

– Дени? Дайнакидо-Сайта эс Фаэр? – Хлыст поднялся на ноги. Выражение его лица ничего хорошего не предвещало.

– Нет! Нет!! Он не мог! Саванти, прошу...

– Реа, держи её, – жёстко велел Саванти, отряхивая руки. – Не выпускай. Будет дёргаться – усыпи.

– Ты куда? – успела я крикнуть, трепыхаясь в железных руках Тигрицы.

– Спасать его, ненормальная! Если ещё можно спасти! – Саванти на бегу набирал номер на своём телефоне.

* * *

Вот же место – никого нет. Никто не пройдёт. Реа терпеливо держала меня, не позволяя шевельнуться. Ведь усыпит, с неё станется...

– Реа...

– Молчи, Май.

– Тигрица...

– Да, Королева?

– Пусти. Я не сбегу.

– Слово?

Я сглотнула.

– Слово.

Тигрица отпустила меня, помогла усесться у стены. Села рядом.

Я отвернулась. Ничего не хочу. Хочу проснуться. Или умереть.

– Тигра...

- Что, котёнок?
- Нер... нертфеллин – это плохо?
- Очень плохо. Если бы Лас умерла, Саванти отправился бы в яму с собаками. Я снова сглотнула.
- Что будет?
- Будет много грязи, тахе. Наркотики – вещь страшная. Вряд ли за этим – один человек. А у нас мало времени. В таких случаях привыкли рубить сплеча. Властям нравятся показательные процессы. Когда человек по десять казнят, для примера.
- Я закрыла глаза.
- Время тянулось бесконечно.
- Шаги.
- Саванти.
- Реа, надо где-то посидеть, подумать. У нас минут десять, не более.
- Что случилось?
- Дени умер.
- Я оцепенела. Язык примёрз к гортани. Нет... невозможно...
- Как? – Реа казалась самым спокойствием.
- Нертфеллин. Судя по симптомам – две-три сотни предельно допустимых. Может, больше. Его оглушили и влили эту гадость... Ампулу или две.
- Я силилась выговорить хоть слово. Дени... идёт по коридору... Лас не может догнать его.
- Дени умер... – проговорила я чужим голосом. – Лас умерла...
- Лас жива, девочка, – возразила Тигрица мягко.
- Нет! – я вскочила. Реа попыталась поймать меня, я с размаху стукнула её ребром ладони по голове. Она охнула, упала на колени. Саванти опешил, когда ему в глаза уставился зрачок «Ската».
- Не подходи, Саванти! – я сорвала телефон... сели батарейки... швырнула его в сторону. Взяла «свисток». «Свистнула» изо всех сил. Ну же... Отзывайтесь!
- Диспетчер, – отозвался «свисток».
- Лас! – закричала я. – Спасите её! Она... реанимационная...
- Номер? – спокойно спросил голос.
- Спасите! – закричала я снова. Тигрица подняла голову и застыла, увидев пляшущий в моей руке пистолет.
- Май, – Саванти скрестил руки на груди. Говорил ровно, дружелюбно. – Назови им номер. На обратной стороне свистка.
- Два-пять-шесть-семь, – торопливо прочла я.
- Слушаю вас.
- Помогите ей! Лас, у вас в реанимационной! Она умирает!
- Кто говорит?
- Дай мне, – велел Саванти таким кротким голосом, что я подчинилась, бросила ему свисток. Отступила на шаг, продолжая удерживать их обоих под прицелом.
- Два-пять-шесть-семь, – произнёс Саванти. Тигрица нервно пошевелилась. – Масстен, это Призрак. Красный код. Пять-два-три. Немедленно в реанимационную. Отбой.
- Призраки шли и шли. Лас идёт за Дени. Саванти – тоже призрак.
- Поздно, – я отступала, продолжая держать их обоих на мушке. Заметила, только теперь, что не сняла с предохранителя. Сняла. Взяла оружие двумя руками... едва удержала, так они тряслись.
- Ей помогут, – Тигрица всё ещё стояла на коленях. – Не надо, девочка. Прошу.
- Нет, – сознание заполняла всё та же звенящая пустота. Дени послушался того, что ему сказали по телефону. А эти? Чем они лучше?

Я отступала. За угол. Только не у них на глазах.
– Май, – Саванти оставался спокойным. Только голос его стал печальным. – Так ты никому не поможешь.
Я повернула за угол.
Сорвала диадему, отбросила её. Жарко.
Расстегнула верхнюю петельку.
Опустилась на колени.
Приставила дуло к подбородку.
Сил не хватало нажать на спусковую скобу.
«Живи, Май».
Зачем?
«Пожалуйста, живи».
В глазах потемнело. Торопись, Май, пока они не бросились спасать тебя.
«Ради меня, ради себя».
Пистолет стал страшно тяжёлым. Не смогла его удержать.
Краем глаза заметила, что Тигрица метнулась ко мне.
Пустота.

* * *

Когда я открыла глаза, то сидела за небольшим столиком. Вначале показалось, что Саванти и Реа спятели, как и я, и приволокли меня в Зал, в кабинет. Продолжать веселиться. Но нет, это другое место. Пахнет приятно – цветами. Полевыми. И чем-то ещё... чем-то терпким.
На столе несколько бутылок. Саванти, всё ещё в халате, кое-где испачканном каплями крови. Пьёт газированную воду.
Реа сидит рядом, глаза прикрыты, но не спит.
На столе, перед ними, лежит мой «Скат». Вернее, это я вижу, что он там лежит, а другие... Рядом – диадема, символ Светлой. Какая я Светлая? Где ни появляюсь, приношу неприятности или смерть.
Думать не хотелось. Жить – тоже.
– Говори, Май, – Тигрица не открывала глаз. – Говори что-нибудь.
– Как она?
– Жива. Этот... ублюдок... – впервые слышу от Реа бранное слово, – не знает, что нертфеллин не растворяется в физиологическом растворе. К счастью для Лас, он ещё и легче воды. Такой, знаешь, белый невесомый порошок. Очень приятно пахнет, яблоками. Капельницу успели заменить.
Я снова сглотнула. Комок поднялся к горлу. Тигрица открыла глаза, уселась вертикально и положила ладонь поверх моей.
– Говори, Май, не молчи.
– Дени... как он умер?
– Плохо, – Саванти опустил голову. – Я пришёл, когда ему оставалась минута, не больше. Он уже ничего не видел. Лежал в луже крови. Едва мог говорить. Не сразу понял, кто я.
– Что он сказал?
Саванти метнул взгляд в глаза Реа. Та кивнула, встала из-за стола.
– Тигра... останься, пожалуйста.
– Хорошо, котёнок.
– Дени сказал, что сделал что-то ужасное, но не знает – что и зачем, – голос Хлыста стал деревянным. – Просил отыскать тебя... отдать его записку. И вот это.

На столе передо мной появился смятый лист бумаги. Я спрятала его, не читая. Не смогу. Сейчас – не смогу. Рядом лёг «морской конёк». Не мой, его. Весь в крови. Спрятала в тот же карман.

– Последние слова я почти не разобрал, они звучали очень странно. Он сказал что-то вроде... «она сделала это правдой».

Я закрыла глаза. Май, не надо! Не делай этого! Сделала это правдой...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.